

СЧАСТЛИВЫЙ НАРОД В БОГАТОЙ СТРАНЕ

Царскую Россию можно сравнить со старинной помещичьей усадьбой. Гости приезжали в пресловутые отдельные комнаты, а большинство людей, населявших барский дом, ютились в тесных и грязных клочках. Напоказ были выставлены безделушки на заграничного фарфора, но в доме не было водопровода, канализации, электрического освещения. Снаружи он был даже красив, но за пределами парадных покоев все было запущено и убого.

Советский народ разрушил все, что было в этом доме негодного, и превратил барскую усадьбу в великолепный дворец-фабрику, в котором радостно жить, работать и отдыхать. Дворец еще не достроен, но с каждым днем все выше возносятся его стены и усовершенствуется его оборудование.

О нашей стране, превращаемой в новый дом для людей эпохи социализма, рассказывает М. Ильян в своей книге «Сегодня и вчера».¹

«Дом у нас не маленький. Его «жилая площадь» — двадцать один миллион квадратных километров с лишком. До «конки крыши», до самой высокой точки — семь с половиной тысяч метров. Это — высота Станция. До «дна подвала» — девятьсот метров. Это — глубина «Смоленск», самой глубокой шахты в Донбассе.

В подвалах нашего дома найдены неисчерпаемые богатства, о которых его старые хозяева и не подозревали. Было когда-то время, когда нашу страну считали бедной, нищей страной. О нищете и голоде писали и чиновники в своих циркулярах, и профессора в научных докладах, и поэты в стихах. Крестьяне, умиравшие с голоду на плодородной земле, борозды свои паши и уходяли на поиски новой «землеугодия». В недрах Бухары (теперешний Таджикистан) таились золото, серебро, уголь, нефть. Все это нынче не разрабатывалось, а таджикский народ был нищим. Насколько плохо хозяева-крепостники знали свой собственный дом, повсеместно — факт неслыханной революции академика Обручев открыл в Восточной Сибири горный хребет в тысячу километров длиной, который не подозревали старые географы. Но и то добро, которым пользовалось население усадьбы всероссийских помещиков Романовых, растрачивалось и расхищалось: вырубались леса, истощалась земля, забрасывались запущенные использованные рудники. «Слово в уста крестьян обходился без сахара и пробовался вместо чая водичей, а сахар везли в чужие страны...»

Русский народ, а за ним и все народы бывшей царской империи сбросили со своих плеч паразитов и эксплуататоров. Советский народ сам стал хозяином своего дома. Та страна, которую называли нищей, оказалась одной из богатейших стран мира. «Нефти в нашей стране, по словам академика Губкина, 6800 миллионов тонн. Если бы всю Волгу заполнить нефтью вместо воды, эта нефть текла бы в морс еским десять дней. Железа у нас, если считать только самые лучшие руды, 10 миллиардов тонн. Из этого железа можно было бы проложить железнодорожный путь «Москва—Солнеч». Если добавить к этим запасам курскую магнитную антолит, то окажется, что у нас 200 миллиардов тонн железной руды. Найдены огромные запасы полезных ископаемых там, где были только голые скалы, пески и болота. «Кроме лесов и болот, дурной почвы и недостатка света, вся северная половина Европейской России ничем другим не отличается», — писал Круг-

лятов царский чиновник, управляющий Государственным банком Жукоский. Теперь город Кировск, расположенный на Крайнем Севере нашей страны, снабжает весь Советский Союз минеральными удобрениями.

Природа в нашей стране не только отдала человеку скрытые в ней богатства: она и сама обогащается. «Шеища продвигается на север, где она никогда не росла. Хлопок, который всегда рос на далеком юге, теперь растет у нас также и под Одессой. Другой богатейший жарких краев — рис — не только растет, но и дает громадные урожаи около Днепра. У нас не росли лимоны, апельсины, экзотические фрукты, багровые делинты, багровые делинты, а теперь растут. В Красноярске вырезают яблоки, а в городе Горьком растет виноград. В совхозе «Поларноек» сажают агрики, на 70-м градусе северной широты, растут салат, капуста, лук, огурцы, свекла, брюква, репа и даже помидоры».

«Богатства нашей страны велики. Но самое главное богатство Советской страны — это наши люди. Ведь люди создают все богатства. Руда, которая лежит под землей, и которой никто не знает, не стоит ничего. Чтобы руда начала что-то стоить, нужно ее открыть. Но и этого еще мало: чтобы руда стала богатством, надо проложить к ней путь, надо построить рудник, надо достать ее. Без живых

людей, без их труда, все богатства, лежащие в земных недрах, не имеют значения. Значит, главное, что надо беречь и о чем надо заботиться, — это люди. Этой заботой о человеке пронизана вся наша Конституция».

О том, как низко расцвелись люди в царской России и как высоко ценится в стране социализма человек труда, говорится в таких словах академика Ильича: «Царизм человека», «Подлежит оглашению», «Новые хозяева нового дома». В 1906 году на Обуховском заводе в Ильичах было введено применение возмещений, которые администрация обязывалась уплачивать рабочим за телесные повреждения — как это вводит прокуроранта, в котором человек был растеснен и цезликом, и по частям, и отцом, и в розницу, как тупа в минимуме ланке. По сравнению с царскими возмещениями человека, сопровождающиеся тяжкими и стойкими болезнями — воспаления, ушля — около 100 рублей, за потерю зрения на оба глаза — также 100 рублей, за потерю зрения на один глаз — 35 рублей, за потерю зрения правой руки — 5 рублей, а за потерю левого мизинца — ничего. «Составители таблицы рассуждали так. Рабочий человек — это охотник на заводских машинах. В машине есть часы, детали, более важные и менее важные. Повреждение часа выводит из строя всю машину, повреждение мизинца уже не рабочий. Поэтому глаза — стоимости человека — 100... Мизинец, да еще на левой руке — 5 рублей, а что мизинец. Для работы он не требуется. Значит, он ничего и не стоит».

Рабочий для капиталиста не был человеком. На расчетной книжке рабочего Путицкого в заводском бухгалтерии было только номер. Если рабочий заболел или погибал от несчастного случая, то ставили на его место получка расчетную книжку с тем же номером. «И на следующее утро, когда М. 759 будет еще лежать в мертвецкой или в заводской больнице, М. 759 приступит к работе в той же мастерской и на том же месте».

В Советской стране нет «доловцов», обесчеленных рабов машины. У нас дорог и ценен каждый человек, где бы и кем бы он ни работал. Лучшим мастером в любой отрасли промышленности и культуры: конюхов и музыкантов, слесарей и врачей, детчиков и заводчиков — чествуют все граждане. Каждый гражданин СССР знает, что он человек и что он имеет право на уважение к своему достоинству человека и гражданина. Советский народ любит свою родину, как ни один народ в мире никогда не мог любить свою страну. «Для нас родина — это великий смысл жизни наших народов, которая борется за то, чтобы уничтожить всеобщее порабощение, и строит новую жизнь для себя и для всего человечества».

Книга М. Ильян предзнаменует для молодежи и юношества. Она дает большое количество равнообразных и интересных сведений о нашей стране, о ее достижениях в жизни, увлекательной форме.

МЫ МОЛОДЫ ДЖОМАРТ БОКОНБАЕВ

Я молод: к искусству тянусь и живу.
И все, что хочу, создало нанву,
И мир, о котором я прежде мечтаю,
Широко открытою взору предстал.
Гранит и кремнь принесу я сюда,
На месте пустынь возведу города,
И соколам зорким явлю полечу. —
Как соколу, крылья и мне по плечу, —
Пускай Сусамыр и Коко-Марен
Текут и клубятся меж каменных стен,
На шломы придется бороться волнам,
В устьях, где бура не смеет заечь,
Заигтуса созвезия в тысячу свеч.

И я позову на гулянье народ,
И птима за час до зари запоем,
И гору у селала покоем, как стою,
И в долом свижу и тунгемия дою,
Забуду янно отпавляющего дою,
И прошлое станет смешным для меня.
Разрежу я жесткие шкиры гор,
Державшей нас в клетке до этой поры.

Кощиша вас давняя в былые гола,
Решотки стенами вам была тогда,
Столетья киргизский народ кочевал,
И табыла часто грозия перевал.
Мы давали братья, и вы давали,
И было не в мочь
Терпеть непогодуяну, черную поч...

Решотки, что вас обступали кругом,
Сменились частям, прозрачным стеклом,
Кощиша, что висит над твоей головой,
Продует, смеясь, ветерок городской,
В садах не солоту ароматных плодов,
И будет светиться глаза городов...

О киргизском поэте
АРСЕНИЯ ТАРКОВСКИИ

¹ М. Ильян «Сегодня и вчера». Ленинград ЦК ВЛКСМ, 1937, 9 руб.

Фото П. Трошкина

В дни подготовки к выборам в Верховный Совет РСФСР. Митинг на площади Курского вокзала в Москве. Трудящиеся Молотовского избирательного округа столицы с огромным подъемом принимают письмо к своему кандидату—верному соратнику товарища Сталина, руководителю советского правительства—Вячеславу Михайловичу Молотову.

Выборы Верховных Советов союзных и автономных советских социалистических республик—новая грандиозная демонстрация морального и политического единства народов СССР.

Во всех союзных и автономных республиках первым кандидатом в депутаты Верховных Советов зарегистрирован товарищ Сталин. Его имя звучит во всех городах и селах, во всех уголках нашей родины как воплощение братского содружества народов СССР, как знамя исторических побед социализма в нашей стране.

Вместе с товарищем Сталиным кандидатом в депутаты Верховных Советов во всех союзных и автономных республиках зарегистрирован руководитель советского правительства, верный сын партии Ленина—Сталина—товарищ Молотов. С гордостью будут голосовать избиратели за ближайших соратников товарища Сталина: за товарищей Молотова, Калинин, Кагановича, Ворошилова, Андреева, Микояна, Чубаря, Жданова, Ежова.

Рядом с именами руководителей партии и правительства на многочисленных собраниях избирателей были названы имена смелых новаторов, передовиков социалистической промышленности и сельского хозяйства,—таких, как прославившийся стахановец Уралмашзавода В. И. Челюскин, знаменитый каменщик П. С. Орлов, замечательные колхозники-орденоносцы М. М. Журина, М. В. Кудряшова; имена славных бойцов и командиров Красной

Армии и Военно-Морского Флота, доблестных сынов социалистической родины: Героя Советского Союза И. А. Лавеева; старшего лейтенанта-асчика И. К. Бровка, получившего за особые заслуги в течение одного года два ордена Красного знамени и орден Красной звезды; Героя Советского Союза полковника И. Т. Еременко; имена лучших представителей самой передовой в мире советской науки, искусства, литературы: члена-корреспондента Академии наук СССР С. Л. Соболева, поэта-орденоносца В. И. Лебедева-Кумача, заслуженного артиста Республики орденоносца Н. К. Черкасова и других.

Советская молодежь гордится тем, что наряду с лучшими людьми нашей страны кандидатами в депутаты Верховных Советов назначены также и ее представители, завоевавшие преданной, честной работой во славу нашей родины высокое доверие всего народа: стахановка Ижевского сталыва завода комсомолка Л. К. Суцова, комсомолка-краснофлотец Т. З. Тарасов, трактористка-стахановка комсомолка Т. А. Тугтова, мастер 3-го механосборочного цеха московского автозавода имени Сталина комсомолка З. Т. Федорова, секретарь комитета ВЛКСМ ленинградского завода «Красный трудящийся» А. Н. Лукьянова и другие.

За кандидатов непобедимого сталинского блока коммунистов и беспартийных голосует весь советский народ!

ТОВАРИЩ СТАЛИН СРЕДИ НАРОДОВ СССР.

План работы художников В. Яковлева, П. Шушмина и И. Влохина (Музей народов СССР).

ВЕЛИКАЯ ДРУЖБА НАРОДОВ СССР

Фашизм — вечный враг дружбы между народами мира. Огнем и мечом на полях Абиссинии и Китая, Испании и Австрии осуществляет фашизм волю закон капитализма — бить отсталых и слабых.

При попустительстве буржуазно-демократических государств фашистские колонизаторы зверски уничтожают абиссинский народ. В Испании полчища германо-итальянских интервентов, бессельные сломить героическое сопротивление республиканской армии, с бесчеловечной злобой подло мстят испанскому народу, разрушая его цветущие города и села, уничтожая его прекрасную культуру, убивая стариков, женщин и детей. На Дальнем Востоке японская воишинна ведет жестокую захватническую войну против китайского народа. В Европе германский фашизм оккупировала Австрию. Он протягивает свои кровавые щупальца к Чехословакии, угрожает Бельгии, Швейцарии, скандинавским странам, покусается на государственное существование балканских народов...

Гнусные право-троцкистские выродки, оруженосцы фашистской контрреволюции, готовят народам Советского Союза тяжкую судьбу их зарубежных братьев. Они стремятся разрушить братский Союз Советских Социалистических Республик, оторвать от СССР отдельные республики, отдать их в кабалу иностранным ханшинам, вновь надеть на шею свободному советскому народу ярмо капиталистической эксплуатации и национального гнета. Не вышло и никогда не выйдет!

Инцида царская Россия, которая была тюрьмой народов, стала погубительным социалистическим государством рабочих и крестьян, где осуществляется свободный союз равноправных наций, связанных крепчайшими узами братской дружбы и взаимопомощи. СССР — несокрушимая крепость социализма, маяк и надежда всего трудящегося человечества.

Самые 20 лет тому назад, в ноябре 1917 года, прозвучали замечательные слова «Декларации прав народов России», написанной товарищем Сталиным и опубликованной за подписями Ленина и Сталина.

В этом историческом документе устанавливались суверенность и равенство народов России, их право на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. В этом документе провозглашались принципы ленинско-сталинской национальной политики, направленной против всякого национального угнетения.

Диктатура рабочего класса, глубоко продвинувшая идеи интернационализма в широкие массы трудящихся, навсегда ликвидировала в нашей стране все существовавшие в прошлом ограничения по национальному и расовому признакам. Ликвидацией капиталистических классов — провокаторов национальной розни — и уничтожением эксплуатации навсегда подорваны в нашей стране корни национального рабства и угнетения.

Братская дружба и взаимопомощь народов СССР окрепли и закалялись на многочисленных фронтах гражданской войны, в борьбе с внешней и внутренней контрреволюцией. Дружба народов СССР сентенирована кровью лучших его сынов, отдавших свою жизнь за победу социализма.

Русские рабочие и крестьяне помогли своим украинским, белорусским, грузинским, казахским, узбекским братьям разбить полчища белогвардейцев и иностранных интервентов, укрепить советскую власть и об'единились в могучий Союз Советских Социалистических Республик.

Московские, петерские, вянэновские, тульские, нижегородские рабочие и крестьяне плечом к плечу с трудящимися украинцами и белорусами били германских, польских интервентов, Денкина и Врангеля, Петлюру и Махно; вместе с азербайджанскими, грузинскими и армянскими рабочими и крестьянами защищали родную землю от английских интервентов, меньшевистско-эсеровских и данкинских банд; рука об руку с казахскими, узбекскими, киргизскими, таджикскими и туркменскими народами уничтожили полчища Колчака и Дутова, банды басмачей и буржуазных националистов.

Крепчайшая дружба народов СССР, многообразная помощь русского народа своим братьям обеспечила в годы сталинских пяти-

Речь тов. Сталина

на приеме в Кремле работников
Высшей школы 17 мая 1938 г.

Товарищи!

Разрешите провозгласить тост за науку, за ее процветание, за здоровье людей науки.

За процветание науки, той науки, которая не отгораживается от народа, не держит себя вдали от народа, а готова слушать народ, готова передать народу все завоевания науки, которая обслуживает народ не по принуждению, а добровольно, с охотой (аплодисменты).

За процветание науки, той науки, которая не дает своим старым и признанным руководителям самодовольно замыкаться в скорлупу мерцающей науки, а осмелится составить старый работником науки с молодыми работниками науки, которая добросовестно и охотно открывает все дивные и могучие силы нашей страны и дает им возможность завоевать вершины науки, которая признает, что будущее принадлежит молодежи от науки (аплодисменты).

За процветание науки, той науки, люди которой, понимая силу и значение установившихся в науке традиции и умело используя их в интересах науки, все же не боятся браться за традиции, которая имеет смелость, решимость ломать старые традиции, нормы, установки, когда они становятся устаревшими, когда они превращаются в тормоз для движения вперед, и которая умеет создавать новые традиции, новые нормы, новые установки (аплодисменты).

Наука знает в своем развитии не мало мужественных людей, которые умели ломать старое и создавать новое, несмотря ни на какие препятствия, вопреки всему. Такие мужи науки, как Галилей, Дарвин и многие другие обобщившиеся. Я хотел бы остановиться на одном из таких корифеев науки, который является вместе с тем величайшим человеком современности. Я имею в виду Ленина, нашего учителя, нашего воспитателя (аплодисменты). Вспомните 1917 год. На основании научного анализа общественного развития России, на основании научного анализа международного положения Ленин пришел тогда к выводу, что единственно выходящим из положения является победа социализма в России. Это был более, чем неожиданный вывод для многих людей науки того времени. Плеханов, один из выдающихся людей науки, с презренной гордостью тогда о Ленине утверждал, что Ленин находился «на бреду». Другим, не имев известия люди науки, утверждали, что «Ленин своим с/умом, что его следовало бы удержать куда-нибудь подальше. Против Ленина были тогда все и всекие люди науки как против человека, разрушающего науку. Но Ленин не побоялся пойти против течения, против косяки. И Ленин победил (аплодисменты).

Вот вам образец мужи науки, омоло ведущего борьбу против устаревшей науки и прокладывающего дорогу для новой науки.

Бывает и так, что новые пути науки и техники прокладываются иногда не обобщившиеся в науке люди, а совершенно неизвестные в научном мире люди, простые люди, практики, новаторы дела. Здесь за общим столом сидят товарищи Стаханов и Паланин. Люди, неизвестные в научном мире, не имеющие ученых степеней, практики своего дела. По моему известию, что Стаханов и Стахановцы а своей практической работе в области промышленности опренили существующие нормы, установившие известными людьми науки и техники, как устаревшие и ввели новые нормы, соответствующие требованиям действительной науки и техники! Кому неизвестно, что Паланин и паланицы а своей практической работе на дрейфующей льдине микромодом, без особого труда, опренили старое представление об Арктике, как устаревшее и установили нормы, соответствующие требованиям действительной науки! Кто может сказать, что Стаханов и Паланин являются новаторами в науке, людьми нашей передовой науки!

Вот какие еще бывают кандидаты в науку.

Я говорю о науку. Но наука бывает всякая. Та наука, о которой я говорил, называется передовой наукой.

За процветание нашей передовой науки!

За здоровье людей передовой науки!

За здоровье Ленина и ленинцев!

За здоровье Стаханова и стахановцев!

За здоровье Паланина и паланицев! (аплодисменты).

деток огромный хозяйственный и культурный подъем и небывалый расцвет всех советских республик.

РСФСР — первая среди равных в семье союзных советских республик. Многонациональное население РСФСР составляет две трети всего населения Союза. На ее огромных просторах, от арктических островов до кавказских субтропиков, от Балтийского моря до Тихого океана, найдены десятки новых городов, сотни новых индустриальных гигантов, проложены тысячи километров новых, благоустроенных дорог, соединены замечательными каналами моря и реки. С каждым днем все прекрасней становится ее столица Москва — сердце Советского Союза.

Центру Украинской и Белорусской советские республики. Украина — первая металлургическая база, житница Советского Союза, родина стахановских рекордов. На Украине добывается больше угля, чем в Польше и Франции, вместе взятых, чугуна больше чем в Англии, Франции и Бельгии вместе взятых, больше чем в Германии, Англии, Швеции и Испании. Советская Белоруссия, фронтная СССР на границе с капиталистическим Западом, также достигла огромных успехов в развитии своей промышленности и сельского хозяйства.

Небывалый подъем переживает Грузинская, Азербайджанская и Армянская советские республики. Родина товарища Сталина — солнечная Грузия — житница Советского Союза. Прекрасными плодами своей земли: чаем и мандаринами, виноградом и лимонами — Грузия снабжает Советский Союз. Азербайджан — страна нефти и хлопка. Он дает около 40% всей добываемой в СССР нефти. Счастливо и радостно живет Советская Армения, которую в годы хозяйствования дашнаков называли «страной сыртов».

Республики Средней Азии: Узбекская, Казахская, Туркменская, Киргизская, Таджикская, имеют много колхозных стран, почти сплошь неграмотные, зверски умные, талантливые коллективистами, — превратились с братской помощью русского народа в цветущие индустриальные районы с высоко развитой национальной культурой.

«В результате мы имеем теперь вполне сложившееся и выдержавшее все испытания многонациональное социалистическое государство, прочности которого могло бы позавидовать любое национальное государство в любой части света» (И. Сталин. Из доклада на Чрезвычайном VIII ассессонном съезде советов).

Нескорными сталинской дружбы и морально-политическое единство народов СССР — другая народы — создали свою культуру, национальную по форме и социалистическую по содержанию. О достижениях национальных культур свидетельствуют прошедшие в Москве с огромным успехом декады узбекского, грузинского, киргизского, азербайджанского, узбекского национального искусства.

Народы Советского Союза взаимно обогащают друг друга культурным опытом. Не случайно всеми народами нашей страны были отмечены 100-летие со дня смерти великого русского поэта Пушкина, 750-летие замечательного русского народного поэта Шота Руставели «Витязя в тигровой шкуре», 75-летний юбилей знаменитого Ака Кавхата Джамаля и 750-летие героической русской поэмы «Слово о полку Игореве».

Создание Союза Советских Социалистических Республик было всемирноисторической победой пролетариата. Все нации, населяющие бывшую царскую Россию, сплелись вокруг коммунистической партии и советского правительства и под гениальным руководством Ленина и Сталина в жестокой борьбе с врагами отстояли свое право на свободное самоопределение, построили в основном социалистическое общество и уверенно двигаются вперед, к вершинам коммунизма.

С чувством огромного уважения и любви обобщаются все национальности нашей родины вокруг великого русского народа, создавшего до конца революционной героической рабочей класс, родившего гения пролетарской революции Ленина, обобщившего братского взаимопомощи ранее остальными и угнетенными народами, создавшего замечательную русскую культуру и ее вершину — ленинизм.

Выборы Верховных Советов союзных и автономных советских социалистических республик на основе Сталинской Конституции являются новым огромным торжеством советского народа-победителя, новой изумительной демонстрацией морально-политического единства трудящихся социалистического общества.

Все народы великого Советского Союза назвали первыми кандидатами Верховных Советов своих республик товарища Сталина, товарищи Молотова, Кагановича, Ворошилова, Калинин, Ежова, Чубаря, Андреева, Микояна. Жители демонстрируют перед всем миром свою безграничную любовь к большинствей партии и ее сталинскому ЦК, свою крепчайшую дружбу и единность.

Вождь и учитель советского народа товарищ Сталин, руководитель партии и советского правительства, Герой Советского Союза, стахановцы заводов и колхозов, ученые, учителя, бойцы Красной Армии, пограничники, лучшие представители советской молодежи — вот кандидаты крепчайшего блока коммунистов и беспартийных. Соединение этих двух частей партии и правительства с именами рабочих, колхозников, интеллигентов — передовых людей нашей страны — является символом крепчайшего единения партии и правительства с народом.

Новыми огромными победами приходит Советский Союз к выборам в Верховные Советы союзных и автономных советских социалистических республик. 12, 24 и 26 июня весь наш народ — и взрослые и молодежь — пойдет к избирательным урнам, чтобы отдать свой голос за Сталина и его верных соратников, за кандидатов блока коммунистов и беспартийных, за всеякую дружбу народов СССР, за коммунизм.

Шерсть

Рассказ БОР. ОЛЕНИНА.

Сэр Стэнли Р. из графства Стюффорд, в Англии, — один из крупнейших знатоков и коллекционеров ковров. Из шестидесяти лет своей жизни тридцать пять он посвятил коллекционированию лучших образцов коврового искусства всего мира. В его коллекции есть уникальные образцы ковров. Ранские «калимари», Анатолийские ковры, Арабские ковры, Валахские дорожки, Индийские раскрашенные циновки, Французские гобелены, Узбекские шезаны, Шолоховые ковры Багдада. Расшитые шерстью смирские ковры. Самоанские ковры из пчелиных сот. Но лучшими в коллекции сэра Р. являются ковры, приобретенные им в 1910 году. Это туркменский ковер работы неизвестной мастерицы. Трудно определить, сколько лет затривала неизвестная туркменская женщина, чтобы создать этот шедевр коврового искусства. Миртовые знатоки ковров считали немалым достижением для классических образцов плотность в 200 тысяч узлов на один квадратный метр ковра. В ковре неизвестной туркменки сэр Р. и пригласиле им эксперты насчитали 210 тысяч узлов на квадратный метр.

Этот ковер напоминает осеннюю позу, ушедшие листья. В середине ковра изображен сломанный браслет — аллегорическое изображение женского горя. Эксперты, знающие символику восточных ковровых орнаментов, перевели сэру Р. тайный смысл орнамента его ковра:

«Дочь моя умерла от черной болезни, Мужа моего убила царский генерал, Бесплодно пролетели годы, И только смерть будет моим отдыхом.»

В каждый из 210 тысяч узлов квадратного метра ковра беззастенчивая туркменская женщина вкладывала слезу своей горькой, унизительной и безысходной жизни. И ей удалось создать настоящий шедевр, оцененный знатоками на вес золота. Девятидесяти и если в изысканных тузах принадлежал в замок сэра Р., чтобы ознакомиться с его знаменитой коллекцией. Старый профессор искусства, пришедший в восторг от собрания сэра Р. и подтверждающий, что оно может сопоставляться с собранием Британского музея.

Кемчужина коллекции — туркменский ковер — дала сэру Р. тему для философских разговоров со своими гостями.

— Вот, — говорила сэру Р. стоя перед ковром, — эта неизвестная женщина, являвшаяся величайшим мастером коврового искус-

ства, страдала всю жизнь. Пять, десять, пятнадцать лет посвятила она созданию своего ковра. Только страдание ведет к духовному очищению и к созданию художественных ценностей. Мы знаем множество примеров на истории живописи, музыки, литературы, подтверждающих это. Оскар Уайльд, только переставшая, создал «Редлингскую балладу». Сервантес писал по-настоящему драмы и только в тюремном заключении, на закате своей жизни, создал «Дон-Кихота».

Сэр Р. умея рассказывать интересно, увлекал своим изложением. Имена писателей и философов сменялись в его рассказе именами иранских мастеров миниатюр и ковродолов Багдада. Из всех коллекционеров Британии, а может быть, и всего мира, он был наиболее осведомленным в области коврового искусства.

Тезис сэра Р. о том, что только страдание ведет к подлинному духовному очищению и высокому искусству, неизменно вызывал одобрение высокопоставленных слушателей. Сам епископ Кентерберийский сказал однажды о сэре Р., что он один из немногих, умеющих сочетать истинно христианские воззрения с глубоким изучением искусства.

И вот однажды сэру Р. в качестве туриста прибыл в СССР. Он увидел пестрое величественное и высокое искусство, неизменно вызывая одобрение высокопоставленных слушателей. Сам епископ Кентерберийский сказал однажды о сэре Р., что он один из немногих, умеющих сочетать истинно христианские воззрения с глубоким изучением искусства.

И вот однажды сэру Р. в качестве туриста прибыл в СССР. Он увидел пестрое величественное и высокое искусство, неизменно вызывая одобрение высокопоставленных слушателей. Сам епископ Кентерберийский сказал однажды о сэре Р., что он один из немногих, умеющих сочетать истинно христианские воззрения с глубоким изучением искусства.

— Обо всем этом стоит подумать, мисс, и очень серьезно подумать.

Совершенно естественным для сэра Р. было посетить государственный ковровый фонд. Сэр Р. увидел много новых прекрасных образцов. Украинские, узбекские, эрзянские, армянские, тейкинские, русские, дагестанские, индийские ковры и дорожки. Это были настоящие произведения народ-

ного искусства, и сэр Р. с удивлением сказал своему гиду, что ковровое искусство, несомненно, процветает в Советской стране.

Но здесь случилось неожиданное...

Перед одним ковром коллекционер застыл потрясенным. По всему бархатистому полю этого ковра были щедро расписаны яркие цветы, кусты цветущего хлопика, веселые полосатые арбузы и дыни, клонившиеся стебли пшеницы, цветущие ветви персиков и абрикосов. Широкий ковром окружали им во всю ширину ковра ряды тракторов, замыкавшие второй круг орнамента. А третьим кругом, охватившим два пера, были красноармейские красивые звезды, которые, правдиво чередуясь, служили крайним орнаментом ковра.

Сэр Р. дрожащей рукой взялся увеличительное стекло. Связь это стекло он увидел, что на каждый квадратный метр ковра приходится не менее 600 тысяч узлов. Число, неслыханное для величайших классических образцов! Это был ковер работы 18-летней ковровой мастерицы Туркменской ССР, комсомолки Огуль Гозель. И потрясенный сэр Р. узнал из уст девушки-поводчицы, что ковер этот не представляет собой уникалу. Девушка назвала ему имена ковровых мастериц Туркмении: старей Набба-Анна из аула Баба-Дай-Хач, и юной Шо-Гуль-Кете из Княза-Авката, и Качи-Аман-Тарды из Бахарадена, и Загры из Мерва, — создающих шедевры коврового искусства с плотностью свыше 600 тысяч узлов на каждый квадратный метр.

Сэр Р. стоял недвижимым перед ковром туркменской комсомолки: он был ошеломлен буйным каскадом драгоценных растений красок, не боливших ни пыли, ни влаги, ни времени. Расшифровав символику этого ковра сэру Р. не надо было. Туркменская девушка говорила драгоценными красками своего ковра, всеми цветами, плодами, птицами: «Жизнь благополучна и прекрасна в Советской стране!» И добавляла красноармейскими звездами в крайнем орнаменте ковра: «Где горе твою, кто поспешит на эту прекрасную землю!»

— Удивительная работа, — тихо сказала сэру Р. и, с трудом заставив себя отойти от ковра, он добавил еще тише: — Моя коллекция перестала быть первой в мире.

Он ничего не сказал о крушении своей страсти, влюбленности в со дашими эрзянскими учеником о том, что только истинной страданием можно создавать ценности истинного искусства.

ПОКОЛЕНИЮ ОКТЯБРЯ

Я жила, тваром свою гряду отметив,
Служа добру и противя злу!
Но двадцать лет я швыряла на ветер,
Развела по свету, как золу...

Мне никак сорок. Под нашим небом
Все изменилось—равнина нет,
И, право, очень хотелось мне бы
Родиться в дни Октября на свет...

Как ты, октябрьское поколение,
И б с колабети свободным рос,
Взбираясь к матери на колени,
В любимом взоре не видел слез...

Нет поколения тебя чудесней
Во всей истории мировой!
Безвзвешь ты золотые песни
И не сробеешь, коль гранет бой!

Руду в потемках ты добываешь,
И, словно солнце, блестит руда.
В гранит и мрамор ты одеваешь
Свои просторные города.

По свежее вырытому каналу
Плывут огромные корабли,
И горы, по твоему сигналу,
Вдруг исчезают с лица земли.

Ты паньешь поле своей отчизны,
Проводил борозды глубоко,
Ты паньешь астопись новой жизни
Пером, и молотом, и киркой.

Ты к головеши пришло двадцатое
В железных мускулах, как в броне.
Ты улыбаешься мне, как брату,
Улыбку дружбы ты даришь мне.

И сорок лет мне не дают спину,
Я улыбаюсь тебе в ответ.
Вся доктябрьскую половину
Я отрубил, как большую ветвь.

И нет о прошлом во мне печали,
Как седина нет в смоле куялер.
На мир твоим гажу очами:
Рожден вторично я в Октябре.

Гремит в ушах моих волонан,
К труду готовое и к борьбе,
Когда ласкаешь ты светлым взглядом
Войдя на вышке перед Кремлем.

Ты им взращенное поколение,
К труду готовое и к борьбе,
Все наши мысли, мечты, стремления
Великий вождь воплотил в себе!

Сокращенный перевод с грузинского
ПАВ. ЖЕЛЕЗНОВА

Математик Соболев

Н. ЛАБКОВСКИЙ

Старый профессор ушел, и Сергей Львович остался один в своем кабинете.

Старый профессор во многом был прав, но некоторые его доводы вызвали в молодом ученом острое желание полемизировать.

— Техник на математику смотрит не так, как математик,— говорил профессор.— Для техника это простой инструмент, как кувалда, зубило. Для математика же это область философии.

В этом утверждении была доля истины. Бривд ли для того, чтобы обить диван кожей, нужно изучать зоологию,— продолжал старый профессор.— Технику нужны математические доказательства: ему нужны только результаты... Математик же сам творит для себя...

Когда ученый дошел до этого места, Сергей Львович улыбнулся.

«Старик ударился в философию,— подумал он,— куда-то она его завлечет?»

Сергей Львович хотел было вступить в спор, однако удержался. Он хорошо знал своего собеседника. В старую ученом говорил лишь страстная привязанность к науке, которой он отдавал всю свою жизнь. Но, казалось бы, вопреки своей философии это не был кабинетный ученый. Напротив, в жизни он был одним из самых передовых людей науки. У него было множество учеников, которые ни переставая своим глубоким познания. Во всей своей деятельности он был тесно связан с современностью...

Сергей Львович не стал перебивать старика. А тот вскоре перешел к вопросу, который его волновал и заставлял приехать из Ленинграда в Москву. Это был вопрос о преподавании математики в высших технических учебных заведениях, об учебниках, которыми пользуются студенты. Старый профессор с возмущением отзывался

о некоторых учебниках, авторы которых прикрывают свою безграмотность ложечными рассуждениями. Профессор приехал

С. Л. Соболев.

в Москву, чтобы высказать свое мнение по этому вопросу. И первый, к кому он обратился, был молодой ученый Сергей Львович Соболев.

Несмотря на свою молодость—ему всего двадцать девять лет—Сергей Львович пользуется уже немалым авторитетом среди математиков. Этот авторитет завоеван тридцатью семью научными трудами, большой преподавательской, научной и общественной работой. Многие математики искренно благодарны молодого профессора Соболева за его выступления в печати и на диспутах против ложечных трудов и безграмотных учебников, засорявших мозги студентов. Одна из таких книг—«Статика и динамика машины» Левансона,— написанная с претензией на ученость, имела даже почтенных покровителей в Академии наук. Соболев, ознакомившись с книгой, не мог скрыть своего возмущения:

— Это же чорт знает, что такое!—говорил он коллегам в математическом институте.—Человек претендует на ученость, а сам заучивается в такой энциклопедии теории, как сила инерции! Но по этой книге должны учиться советские студенты! Да ведь этот учебник полон вздора, простых арифметических ошибок!

То, чего не риналось сделать другие, сделал Соболев. Он тотчас же создал совершенно интуитивное. Сам выступил на нем с обстоятельным докладом—разбором почти каждой книги. Он добился изятия вредного учебника.

Вскоре после этого вместе с профессором Ластерников Соболев выступил против учебника геометрии Гурвича и Гангуса. Этот недоборачественный учебник асически протаскивался прежними наркомпросовскими работниками и был признан даже стабильным. Однако Ластерников и Соболев сумели доказать его недоборачественность и добиться его изгнания.

Так молодой математик, борясь с халтурными, неграмотными учебниками, завоевал

нал авторитет в среде подлинных людей науки. И не удивительно, что старый профессор пришел за содействием именно к нему...

Математика — точнейшая из наук. Точная наука изучает людей, занимающихся ею, к образной точности в жизни. Лень молодого ученого строго распланирует и вводит в себя порядок. Главное — научные занятия. Работа над новым (тридцать летным по счету и самым большим по объему) капитальным трудом об уранистике восточного древности. Труд отнимает много времени. Рабочий стол Соболева всегда заложен книгами, разархивными тетрадями, странички которых встретят сложными математическими выкладками...

Математика помогает строить жизнь. Математика нужна жизни.

Все мы пользуемся радиом. Радио вошло в быт человека, техника радиотелеметрии известна сотням тысяч людей. Но многие из нас знают, что открытие радио было бы невозможно, если бы математики девятнадцатого века не разработали теорию уравнения в частных производных, ту самую теорию, которой посвящает свой новый труд молодой советский ученый профессор Ака. Именно пользующийся чудесным изобретением — радио, — должны ощущать огромную благодарность математикам девятнадцатого века. Математику Соболеву в трудном и увлекательном путешествии по лабиринтам интегралов всегда светит луч надежды, что и его научные исследования принесут реально пользу человеку.

Научная работа тесно переплетена с преподавательской и общественной. Профессор Соболев читает в 1-м московском государственном университете специальные курсы по некоторым вопросам математической физики. В математическом институте Академии наук он заведует отделом дифференциальных уравнений функционального анализа. Ему всего двадцать девять лет, но среди его учеников есть уже люди, ставшие сами профессорами.

Много внимания и времени требует общественная работа. Нужно выступать с докладами на заводах. Нужно посетить испытания в школах, нельзя не вести поведенческую борьбу с вредными и опасными учениками, старящимися пролезть в науку, с безобразиями в некоторых вузах, где пытались протискивать неполноценные диссертации и присуждать докторские степени его знакомству людям, недостойным их.

В скромном кабинете математического института сидит перед нами молодой человек с высоким, крупным лбом. У него острый взгляд и светлые, очень непослушные волосы. Свою сознательную жизнь он начал в первые дни власти советов. Это цельным человеком, выросшим и воспитанным в семье интеллигентной.

Он рано остался без отца. В годы гражданской войны отец умер в Ленинграде. Отец был юристом и мечтал сам направлять образование единственного сына. Но в 1918 году мать увезла мальчика к себе на родину, на Украину. Сергею больше не видел отца, но память о нем осталась навсегда.

Отец изучал склоности сына. В восемь лет Сергей заинтересовался арифметикой. — Любимый, — говорила мать знакомым, — восьмилетний мальчик занимается сложением и вычитанием. Быть тебе математиком, Сергей.

Эти слова чудесным образом оправдались. За год Сергея удалось заарифметикую. А еще через год в Харькове занялся самообразованием. Сергею не было тогда полных десяти лет. Его двоюродный брат учился в университетской библиотеке, откуда вынул книги. Сергей старался подражать ему. Вначале это была детская игра. Затем мальчик втянулся... Он читал все, что попалось. Мальчик оказался не по годам. Только в 1923 году Сергей получил возможность учиться систематически. Семья переехала в Ленинград, и мальчик решил сделать Сергея из себя. Одно лишь вымывало сомнения: в какой класс следует его определить? Ему было четырнадцать лет.

но знания его могли составить честь его старшим товарищам. Мальчик сам разрешил вопрос: отправился в школу и сдал экзамен сразу в 9-й класс. Таким образом, в школе ему пришлось учиться только один год.

Когда свидетельство об окончании школы было на руках, вновь началось треволнение. Сергей заявил, что желает стать физиком или математиком. Но педальщики в университете не принимают. Пришлось ждать. Чтоб не терять зря времени, Сергей стал учиться играть на рояле. Однако играл он посредственно, а потому впоследствии он делать не любил. На следующий год Сергей снова должен держать экзамен в университете. Опыту возраст являлся препятствием. Однако Сергей продемонстрировал перед профессорами столь солидные знания, что так называемый возрастной ценз перестал их смущать. Сергей Соболев стал студентом математического факультета.

Ему было двадцать лет, когда он окончил университет. В сейсмологическом институте изучением распространения уругных волн в земном шаре. Когда в определенных точках земной коре образуются трещины, от этого волна распространяется уругные волны. Изучая распространение уругных волн, можно составить картину строения изнутри земли земного шара.

Изучать, что-либо, не являя в науку наукой, казалось Соболеву невозможным. Молодой математик был представителем великой советской науки, «той науки, люди которой, понимая силу и значение установившихся в науке традиций и умело используя их в интересах науки, все же не хотят быть рабами этих традиций...» (И. Сталин). Соболев поставил себе смелую задачу: явля зарисовку строения почвы, умело предсказывать, предвещать направление и время колебаний уругных волн. Вскоре он опубликовал свои первые научные труды, в котором описал распространение уругных волн в почве, состоящей из различных слоев. Но как будут вести себя волны, встречая препятствия, как они будут их обходить? Над разрешением этого проблем Соболев продолжал упорно и плодотворно работать.

На его научные труды обратили внимание. Молодой ученый быстро завоевал известность. В 1933 году он был избран делегатом на конференцию научных работников. Вскоре после этого научная общественность, оценив замечательные труды математика Соболева, избрала его членом-корреспондентом Академии наук СССР. Еще через год ему была присуждена докторская степень. Он был избран вице-президентом Московского математического общества.

Молодого ученого можно было встретить и в кабинетах научных институтов, и в классах средних школ, и на политехнических союствующих математического института.

Во время выборов в Верховный Совет СССР Соболев энергично работал на избирательном участке, и всегда вокруг него можно было видеть группы людей, которых он давал разъяснения по всем вопросам Сталинской Конституции и Положения о выборах.

Соболева знали уже не только в среде математиков, но и в вузах, и в школах, и на предприятиях Москвы.

...И вот в жаркий майский день со двора одного из московских заводов собрались митинг. На трибуну вышел старый рабочий и в простых словах рассказал собравшимся о работе советского ученого Сергея Львовича Соболева. Рассказал то, что знал о его научных трудах, о его большой общественной-политической деятельности. Предложил написать его кандидатуру в депутаты Верховного Совета РСФСР. Среди собравшихся многие зная профессора Соболева, слышали о его делах, и предложение старого рабочего было единогласно поддержано.

Так на одном из предприятий Герцинского избирательного округа Москвы работает инженер, техники и служащие доказали свою глубокую любовь и полное доверие талантливой советской научной молодежи, чьим ярким представителем является профессор-математик Сергей Соболев.

СЛОВО О РОДИНЕ

Различные страны на свете есть немало, Но та страна, в которой я родился, На целый мир бросит отблеск алая: Так лучезарен швет ее знамен.

От льдов коварных Арктики уругной, Куда проникли наши корабли, До солнечного, знояного Батуми Ее границы гордо пролегли.

От приднепровских западных окраин К Востоку прострелается она, Где бьет о берег, неюно сверкает, Крутая океанская волна.

Есть много стран различных на планете, Но только в той, в которой я живу, Мечты людей, и вешние в глыбы столетий, В живых делах возникла наука.

Другой страны на свете не найтеся, Где в живых швец и ярче и толь, Где б неан так, как радости поестя Под аским небом родины моея, Рабшиней рабства тгостные уз...

Где б ни был я, и помню об одном: И гражданки Советского Союза... Нет слов родней на языке родном!

Мен стоня цветущие просторы, Стремнины рек, и сокровища морей, В лиазной джунгли ащих овие горы, Прохладный сумрак дремлющих аллей.

На труд и отмы, на любовь и славу, На дерзновенный замыслов полет, Как солнце, нест едемное право Мне родина великая даст.

Люба народ любовью беззастенчивой, Ее влюбил со мной, И в светлый зал Верховного Совета Приходит толь, избранные мной.

Я, гражданин Советского Союза, Краудяи тебе, родина моя, Кто б ни был враг твой, — мной он будет узан, Где б ни был он, — его настигну и.

Депутат Верховного Совета СССР Катерина Кожушана (третья слева) среди своих друзей. Еще недавно она работала вместе с ними в полевой бригаде колхоза села Зятковичи, Гайсинского района, УССР.

ДОЧЬ НАРОДА

М. ГОЛЬДБЕРГ

Кто-то неуверенно стучится в дверь кабинета, пробует открыть ее. Катерина Кожушана торопливо идет к двери и выпускает в комнату инвальда на костылях.

— Сидайте, — показывает она раненую посетителя на диван, а сама берет из его рук завязание.

— Так... так... понятно... — говорит Катерина.

Несколько секунд она раздумывает, склонив голову, присматриваясь внимательными карими глазами к человеку:

— А где это с вами случилось? На железной дороге? Когда?

Несчастный случай. Грузчик. Упал с вагона во время погрузки, повредил позвоночник. Просит путевку на лечение.

Кожушана продолжает его расспрашивать. Какая семья? Ходит ли девочка в школу? Ну что ж, лечение — лечением, а как он думает дальше жить? Сложное ремесло знает?

Она сдержанно обещает выяснить вопрос о путевке.

С такими просьбами обращаются десятки людей. Попадают среди них симулянты. Попадают паразиты и рвачи, готовые пустить слезу, чтобы разжалобить молодую девушку, облеченную властью. Но этому грузчику действительно нужна помощь. Она записывает в книжечку адрес и назначает день отъезда.

Потом приходит высокая женщина в платке. Колхозница, мать семерых детей.

Два месяца назад подава в загс завязание о пособии — и до сих пор нет ответа. Кожушана снимает трубку телефона.

— Загс? Говорит Кожушана. Слушайте, что у нас за порядки? Вы не знаете про Каращенко из Бубиничи? Эта женщина ходит к вам два месяца. Я прошу сейчас же проверить и дать ей конкретный ответ, должна она получить деньги или нет. Да, да, сейчас же. Сейчас к вам придет эта женщина...

Через пятнадцать минут она снова вызывает загс.

— Ну, как с Каращенко? Выяснили? А почему два месяца тянули?!

Так начинается свой рабочий день Катерина Кожушана, колхозница из села Зятковичи, депутат Верховного Совета СССР от Гайсинского избирательного округа.

Кабинетная обстановка: диван, большой письменный стол, кресло — как-то не идет ко всему облику худощавой, живой, стремительной девушки. Видно, что и она не очень вжилась в эту обстановку. Она сидит за столом в пальто, в берете, готовая в любую минуту выехать в район, в колхозы, где развертывается избирательная кампания, где условлены встречи и назначены беседы. Она часто вскакивает с кресла и бежит отворить дверь, насколько не заботясь о внешней солидности.

Три года назад в эту весеннюю предмайскую пору она проводила дни и ночи на полевом участке. Да, тогда тоже стояла холодная погода, и Катерина с подругами

разжигала костры, чтобы дым, развесаемый ветром, согревал нежные истоки свеклы и предохранял их от гибели... И еще они копали канавы, чтобы отградить свеклу от «шклядинок» — от почвщиц догоноски, угрожавшего драгоценным колхозным посевам. Сегодня тоже надо заниматься и свеклой, и сельскохозяйственными кредитками, и десятками других дел, но только не в полевом стане, в в райисполкомовском кабинете. Депутат Кожушана — заместитель председателя Гайсинского районного исполнительного комитета.

Звонит телефон. Колхозник из соседнего, Ситковского района, который приходил к ней с жалобой на незаконные действия сельсовета, отнявшего у него хагу, сообщает, что дело не сдвинулось с мертвой точки; жилья ему попржежму не дают. Выслушав человека, Кожушана спокойно говорит: «Добре, я выясню», — кладет трубку на рычаг, а потом — не в силах сдержать возмущения — срывается с места и ходит по кабинету, распыряя кулаками карманы.

— Ох, бюрократы, ох, люди ж...

Присев на локоток кресла, она вызывает Ситковца. Голос ее звучит резко, когда она разговаривает с председателем райисполкома.

— Слушайте, вы получили письмо про Чивевского? Это ж колхозник! Колхозник! — повторяет она, вкладывая огромный смысл в обыденное слово. — Вы постановле-

уважительно читали? Сталинский устав знает?». Что ж вы допускаете такие оскорбления? Строить, строить, доловку жить надо? А як у вас дела? До выборов як готовитесь? На селах там знайдитесь люди? А як со шкандинами? Я на днях у вас був.

Принюст почту. Еде смуря, разохваленая, Кокушана режым движением разрывет комерт. В первые минуты чтения она девушка не мелев выражения. Потом улыбка трогает ее губы.

Пинет красносармеец на Ленинграда. Мать его, галянская колхозница, старуха, жене нулеву, сидит в тюрьме. Красносармеец написал Кокушане. Она поехала к старухе, усадил ее к себе в машину и привезла в правление колхоза. Там она задала вопрос:

— Почему забыли об этой женщине? Скофуженные правлены послещили исправити ошкуну. Мать красносармееца была опещена всем необходимым. И теперь красносармеец писал Кокушане с искренним волнением:

«Сегодня получила из дому письмо. Описала мне там мильшань сестер, в которых мне нудил первый разговор. Написала мне даже, как моя мама целовала вас. Все эти и подобные мне факты могут быть только в нашей Советской Социалистической Родина. И выводит партия большевиков во главе с нашим отцом — товарищем Сталиным. Известие меле, что я все за это время получила. Зато наше имя и чужая работа останутся у меня в памяти на всю жизнь.»

Кокушана с удовольствием рассказывает всю эту историю, вспоминает, как старуха сначала боялась сестер в автомобиль, как растеряла председателю колхоза, как старуха потом обнимала ее и называла дочечкой... Но приходило время, когда люди, и Кокушана обрывает рассказ на полуслове и снова высунувает десятки просьб, жааб, предельный.

Она чужка, но она чужка не расплаывается в сантиментальность, не превращается в беспринципное заступничество.

Развинутому коноце, уволенному с завода за пятадесять лет, она твердо и решительно объявляет, что считает решение администрации правильным и никаку по этому вопросу звонить не будет. Жене выславшего списку денег, она предлагает принести денежное пособие, она сухо отвечает, что денег ей не полагается, и советует лучше заняться каким-нибудь полезным трудом, чем обивать пороги.

Она разговаривает с людьми прямо, открыто, без всякой дипломатии, с той благородной, ноиной для собеседника резкостью, которая имеет в чистоту характера, отчужденности и революционной, большевистской направленности, произвизмающей каждый ее поступок.

Легко заметить, что Кокушана еще не обладает всеми навыками полноценного государственного деятеля, что ей не хватает культуры, давности, умения отделить молчя на сторону, умение слыть главным и решающим. Но сила в Кокушане партийный, большевистский заряд, велика жалость к труду и учие, беспредельное стремление, упорное желание овладеть деннско-сталинским стилем работы.

— Лет ей совсем немного — двадцать три. Не так уже давно был случай, когда ее приняли за пионерку.

Пионерка? Да, она хотела стать пионеркой, школьницей, а пришлось пасти корову у зятювских богатых. Отец был батраком, хозяйства чинканого не было. Только в семнадцатом получили небольшой надел. Но отец умер, и Катя, мама, иншо владели, пресла бедноты. Катювских кузков зазять ее вдовой загончик. Платов был труд дочери.

Кузакл пшеницу посеял поздно, и она вудана хлал: еколоск колоска догояныт... Чтой не умереть с голоду, начали всей семьей — мать, обе дочери и сын — вприск кузакло и пасти корову. Учиться хотелось еще с той поры. Зимой в селе открыли ликбез. Катя и сестра Домана ходили на занятия, поощерид надевая одну-единственную материнскую ситку.

В год великого перехода семья Кокушан восприняла и поднялась; как восприняла и поднялась на борбу за бедноту, зажиточную жизнь, миллионы бедняцких дворов по всей стране.

Брат Данило был организатором колхоза. Катя ходила с комсомольцами искать хлеба у кузков, стегала колхозный коровник.

Жизнь учила девочку смелости и острой ненависти к врагу. И когда однажды ночью вылезла кто-то выстрелил в окно их хаты, она объявляла: зрацуюсь мать и сплочно сказала:

— Мамо, и чего вы так боитесь? Она была удивлена, тогда, когда обоглаженные кузакл потребовали раздела колхозной пшеницы.

Ночью она повела девушек на поле. Они косли при свете злуи, тверды рыва вбрать весь колхозный урожай и ни один стебель не отдал тугеядцам.

На рассвете к ним подыла разярренная толпа подкузачников.

— Не бойтесь! — крикнула Катерина подругам. — Хай подхоят! К ней подбежала старуха, жена сосаванного кузакла. Она осыпала Кокушану бурьяно и вдруг взмахнула серпом, который был сирпан под ватником. Катя почувствовала ожог на левой руке. Кровь залила бауку. Катя вскрикнула, но с места не стояла. Спокойно, важная рану на руке, стояла око у дороги, пока толпа не рассеялась... Колхозная пшеница была спасена.

Понши годы под'ом колхозов, годы славных дел украинского комсомолов Демченко и Гнатенко. Катя со своей бригадой возглавила движение пятистотчи в Гайсинском районе. На прополотке ее руками делавши пресказали любовать агрономы. На этих деланях невозможно было найти ни одного стебелька бурьяна. Это была мистич, подлинно стхановская работа. И ее удивительное, что с этих деланок сивимались рекордные урожай скелх. VIII всеукраинский съезд советов избрал Кокушану членом украинского правительства.

Восьмь месяцев проходила она школу государственной работы в столице Украины. Это был самый трудный период в ее жизни. Она пришла в Киев малярнойной. С первых же дней стало ясно, что надо вооружаться знаниями: знанием русского языка, украинского, знанием географии, истории. И Катерина занялась, не шадя сил, отказавшись от многих удовольствий культурной городской жизни. Вскоре она причудила себя ежедневно читать газеты, стала думать о всей стране, о ее больших делах.

Фото К. Липшо

В украинской столице — Киеве — заканчивается строительство здания Верховного Совета УССР. На нашей снимке: молодой украинский скульптор И. И. Удовина работает над гербом УССР, установленным на фасаде здания.

В приемную ЦИК УССР приходили сотни людей. Катерина училась отличать честного колхозника от лодря, действительно ослепленного советским светом. Она была пионерик, который пришла хождаствовать об открытии церкви, закрытой по решению всего села, попытается завуруть ей в руку черную шапку. Катя была пионериком, пионерка при всем честном народе и написала об этом случае в родное село.

Кокушане знали уже далеко за пределами своего села. И с наступлением зимы была поддержана ее кандидатура в депутаты Верховного Совета СССР на съездах колхозников, рабочих и фабричных. В декабре 1937 года Катя Кокушана стала одной из избранных советского народа.

...Утро Первого Мая. На разукрашенную деревнюв труппу, посреди площади, бычерею поднимается группа девушек. Небольшая группа людей на трибуне расступается, и тонкая фигура девушки в белом берете, в раскрасочном синем пальто, показывается вперед, рядом с козлами, командующим парадом.

Утро Первого Мая. За сотни километров отсюда, в деревне и молодом городе, по древней и молодой площади, жметя всадник, и громовые раскаты трубы сопровождают его по всему улу. Воруженный в Москве поздравляет бойцов с праздником. Катя Гайсинского украинского степей, на площади районного центра, поздравлять будет она, Катерина Кокушана.

Катерина оглянула площадь. Трибуна была со всем сторон окружена плотными, неподвижными рядами бойцов. Звучит желто-зеленным человеческим массовым у мостика, которым начинали в'езд в город, какыхалась и пестрели знамена, транспаранты, цветастые национальные костюмы студенток медшколы (славно девчата придумали), переплетенные лентами и шевтими дуги, вышитые платки (из Зятковича приехали), испанские шапочки и флажки, усашенных на грузюнок (то-то рады Катерина!).

Катерина набрала в грудь воздуха и тихим, уверенно, звонко сбросила на всю площадь:

— Товарищи! Депутат Кокушана говорита быстро и горячо. Она говорила о родиле, о ее мужчине, о счастье украинского народа и о том, кому народ обязан своим счастьем... о великом Сталине. Она напомнила обрвавших, что не вудут так свободно и свободно празднуют Первое Мая, как в Советской стране, что в Исландии, Китае густыми потоками льется кровь трудящихся, зашипенных, зашипенных жизнь и сподобились. Катерина не хотела повторять и поприсла их повторять за ней слова принасти на верность рабоче-крестьянскому правительству и коммунистической партии Советской родины:

— Я, сын трудового народа, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, не выйду из этой комнаты, пока Комдив наклонился к ней и, улыбаясь, шепнул: «Реже, реже... Катерина знала, что надо читать медленнее, и ей казалось, что она далеко отстала от слова, но тысячекорое эхо не поспевало за ней, и она стала читать еще медленнее, удаляя паузы, властно тормозя бубиную слау, которую слышал ее голос.

Никогда не испытывала Катерина таких минут.

Там, в Москве, тысячи глаз обращены к малому тысячью уст, отаторного желса за наркомом простые и суровые слова красносармеевской присяги. Здесь, в Гайсине, эти самые святые для советского человека слова принимает от бойцов она, Катя Кокушана, двадцатитрехлетняя комсомолка из села Зятковичи.

Принимает? Нет, она присягает вместе с ними.

— И в борьбе за Союз Советских Социалистических Республик, за дело социализма и братства народов не щадить ни своих сил, ни своей жизни...»

БАКИНСКИЙ КОМИССАР

КУРС НА ЮГОСТОК

Как только пароход вышел из глубокого поузурта бухты, над городом поднялись решетчатые силуэты нефтяных вышек...

Мирза Мамедов стоял на корме. Амфиотром спускался плоскокрыший Баку с рыжих холмов. Волны, загибая расплесканные радужными разводами мауза, не слышно перекатывались от носа к корме и уходили к берегу...

Баку уплывала все дальше назад. С кормы парохода можно было easily разглядеть процесс пригородных униц, известных старинным именем Шаумана, Фиолетова, Карганова. Можно быть, вот в такой же злойный день бакинские комиссары уходили в море на пароходе «Туркмен»...

Весной 1918 года в Баку утвердилось советская власть. Большевистские возглавили правительство Азербайджана. Была национализирована нефть, роздана земля крестьянам, открыты в сельских школах.

Молодой Российской республике нужна была нефть. В горючем нуждались Красная Армия. Но Баку был осажден врагами. И бакинские пролетарии свершили чудеса героизма. Они вывозили бензин в Астрахань. В простых лодках через бурное море переезжали двадцать тысяч пудов бензина...

Турки из «золотых ворот» рвались в город. Англичане, мечтавшие о Баку, как о путевнике, Английские капитан Тиг Джонсон продавали свои родины Ротшильдам и Нобелям.

15 сентября 1918 года пароход унес советское правительство Азербайджана в Красноводск. В песках зверски были расстреляны англичанами и белогвардейцами 26 бакинских комиссаров. Их захватили в плен. Англичане послали Тиг Джонсон предупредить слух, что бакинские комиссары увезены в Индию заочниками. Но эта ложь была разоблачена, и имена первых наркомов республики стояли на знаменах восставших, когда в апреле 1920 года окончательно была свергнута власть турецкой и армянской буржуазии.

Город слился с берегом, вытягиваясь в одну черту, и только нефтяные вышки прочерчивали жаркий воздух. Пароход взял курс на юговосток, к иранской границе. Мирза Мамедов, молодой партийный работник, ехал в Ленкорань. В его памяти смутно сохранился облик южной шедрой страны...

Мирза Мамедов знал, что ему предстоит поработать над созданием второй субтропической базы советского Союза. Знал он еще, что в этом портографном районе живут талыши. Недавно здесь была разгромлена националистическая база Мухамедова. Прикрываясь козлом от аутомойки талышской республики, враги советского народа готовили отрыв Ленкоранского округа в пользу Ирана.

Избранный секретарем района партии, Мамедов нередко задержался в Ленкорани. Мирзу Мамедова скорее можно было найти в талышских селениях еще в городском кабачке. Над белыми субтропическими холмами росли мохнатые горы. Рассыпая пшеницу и чайные плантации сменялись посевами кукурузы, выше росли могучие хитковые леса, еще выше расстилались субальпийские луга. Над страной высидели вершины, покрытые вечными снегами. Секретарь райкома ехал из колхоза в колхоз. Он беседовал с колхозниками, агрономами, чаевыми работниками, рабочими чаевыми и рисовыми плантациями.

Многие колхозы были развалены. Чья-то преступная рука натравивала сельские на селение, озлобляя людей, морща скот. Не было в разгаре шедрой южной весны. Влажная земля готова была под новые по-

севы члестыка, как называли здесь рис. Истияи — обесневшие валом волосами, где скапливался весенняя вода для рисовых полей — были наполнены до краев. Но сельскохозяйственные работы развертывались с ужасающей медлительностью. И на склонах гор, где пышно могли бы разрастаться чайные кусты, пустошало плодородные земли.

Депутат Верховного Совета СССР нарком просвещения Азербайджана Мирза Мамедов.

Мирза Мамедов занялся Ленкоранью. Город имел запущенный вид. В учреждениях сидели нето сонные, нето притившиеся люди. Секретарь райкома слышал за спиной ехидный шопот:

— Ничего, у нас и не такие синие лопы, а тут прислали какого-то мальчишку. Никогда на партийной работе не был...

Через несколько месяцев, оглядевшись и освоившись с обстановкой, Мирза Мамедов повед ожесточенную борьбу с буржуазными националистами. Оказывается, далеко не все враги были еще разоблачены. Мирза Мамедов разоблачил несколько врагов народа, орудовавших в районе. Партийная организация была крепкой, сплоченной и поддерживала своего секретаря. На руководящие посты были выдвинуты люди, выросшие за эти годы. Ведь и сам Мирза Мамедов был выдвинут на крупнейшую работу Центральным комитетом коммунистической партии Азербайджана.

Район, омщенный от прелестей-националистов, менялся на газлах. Помолодевший деревни город Ленкорань. Вдоль моря проложили зеленый бивуар. Город пересекли новые улицы. Была построена крупнейшая чайная фабрика, с производительностью в 5 миллионов килограммов чаю в год. Расширились посевы субтропических культур.

К зиме Мирза Мамедов стал одним из самых популярных людей среди талышского населения. К нему шли за советами, с ним делились достижениями и неудачами. Когда началась избирательная кампания по выборам в Верховный Совет СССР, Мирза «Звезда социализма» выдвинул Мирзу Мамедова кандидатом в депутаты. Имя его было подхвачено десятками сел, повторно на конгрессных заводах и единодушно поддержано рыбаками на побережье.

ИСТОРИЯ ТАЛЫШСКОГО МАЛЫШКА

Мирза был родом из селения Снов. Выходя в горы застряла эта деревушка. В ясные дни ввиду можно было разглядеть черешневый Каспийское море. Старик рассказывал, что там, за морем, стоит большой город. Зовется он по-персидски Бад-Куьв, что значит — «Удар ветра», а по-русски — Баку.

Мальчику исполнилось семь лет, когда отец его, батрак, понял, что семью на кулацких хлебах ему не прокормить. Он работал на рисовых полях по колено в воде, а в долгах был по горло. Семья решила ехать в Баку. Там можно было найти хорошую работу на нефтяных промыслах. В 1916 году семья талышского крестьянина — женой и три сына — поменяла селение Снов на аул Биллиби, под Сураханью.

Отца начал работать чернорабочим на промыслах Муса Ногиева. Так же как и в селении Снов, он поднимался ранние солнца, возвращаясь домой позже заката. Но теперь платье его пахло не болатной сыростью, а нефтью. Здесь все такую нефтью: голая, потрескавшаяся земля, хлеб, дом.

Краснобурная амен нефтепровода пересекла сельскую улицу и упала на по стени улиц, где тогда члестыка, а в дальнейшем раскинулось по склоны холма. Дюры, кое-как сложенные из камней, плоские дома... Вместо улиц горные тропинки. А между глинистых стен, выходя на равнину, виднелся сухой лес нефтяных вышек.

По вечерам мать задевала черах — лампаду, в которой горела нефть. Приходила седой отец, и только тогда, при уходе родной речи, Мирза оживал. Вокруг жили чужие, нефтяные люди — турки и армяне. Он их не понимал. Не знал он также ни слова по-русски.

Семья прожила на нефтяных промыслах два года. В марте 1918 года разнесся слух, что готовится армяно-турецкая резня. К городу подтянулись мусавистские и дашнавские части. Талышская семья решила бежать назад, в горы. Старший сын, двенадцатилетний Нури, был отлан в батраки Миктеву, продавцу из хлебной лавки.

В селении Снов работы было еще меньше чем раньше. Богатые крестьяне не спешили севт рис. Поля превращались в болота.

Отец умер от истощения. Теперь Мирза остался главным кормильцем семьи. Питались трудовой чаем. Мичисты и армяне собирали в лесу. Заболела мать, опухла от голода. Вскоре она умерла. Еше через месяц умер маленький брат, и мальчик остался один. Ему было девять лет. Где-то там, за морем, в городе Бад-Куьв, шла борьба молодой республики с турецкими и английскими войсками. Пыль через море бакинские комиссары, чтобы найти свою смерть в песках, у станции Ахва-Кумба, а талышский мальчик работал батраком у Фатуга Бакшеева, и весь мир ограничивался для него состоянием лесом, где он пас овец.

Когда Мирза исполнилось одиннадцатилет, он решил расквасить старшего брата. Очень трудно было жить одному среди чужих людей. Сорок километров проехал он до Ленкорани, а там уприслал носильщиков, таскавших груз на куручум — плоские деревянные лодки, — перевезти его тайком на пароходе. Восемнадцатый часов он просидел в грохочущем трюме.

Несколько месяцев назад было разгромлено мусавистское правительство. Город был взбурлажен, и никому не было дела до смуглого обормоса. Кое-как мальчик

НЕПРОИЗНЕСЕННАЯ РЕЧЬ

добрался до Сабунчи и долго бродил между решетчатыми вышками по пыльным дворам поселка. Тут все переменялось: домишки стояли рядом с насадами, канализационной нефть.

Он нашел брата, тот устроил его на службу мальчиком на посылах—таскать воду и продукты в базар.

Когда Мирза исполнилось тринадцать лет, он решил вернуться в ирисики. Он пошел в разрушенные вышки, оборвался, опустился, и старший брат с тревогой поспиритивал на юного «коммерсанта». Наконец, он отвел его в детскую дом. Мирза было четырнадцать лет, но был совершенно безграмотен. В пятнадцать лет он научился немного читать по-турецки, его послали в школу, в первый класс.

Мальчик чувствовал себя полково среди маленьких перемещенцев, пришел все же прочитаться в первом классе весь год. Зато летом он сам подготовился и к осени сразу перешел в третий класс.

Мирза стал пионером. Активный, горячий, твердый, он обладал талантом организатора. Его выбрали помощником вожакого. С группой товарищей поехал он на экскурсию в Москву. Ребята везли по Волге. Как-то страшная страна раскрывалась перед ними! Хотелось все знать, но слова не понимал по-русски. Москва поразила его. Целями дивили он товарища незнакомые слова, пытался их записать. Он посылал изучать русский язык ребята еще раз прочитать в этот замечательный город.

С удивлением он ощутил в себе желание писать для того, чтобы выразить величие страны, гражданство которой он себя почувствовал. Это были стихи, первые стихи! Татарский мальчик даже решил написать детство, поехать на родину и там написать книгу о том, что ему удалось повидать.

С детством ему и без того пришлось проститься. Исполнилось шестнадцать лет, его приняли в комсомол. Он работал вокзатым пионером.

Пятьдесят первый год считается лучшим в городе. Весь Мирза Мирза проводил с детворой, по вечерам же изучал русский язык. Он решил ехать в Москву учиться в академии имени Крупской. И вскоре он снова очутился в столице.

На экзамене по русскому языку произошва, однако, крупная неприятность. Ему дали тему—изложить содержание какой-нибудь поэмы Пушкина. Но он не знал Пушкина! Совсем не знал! В академии его не приняли. Но татарский мальчик не сдавался. Он пошел в ЦК комсомола, в Наркомпрос, рассказывая о себе, горячо доказывая неправоту решения комиссии. И в конце концов его приняли в академию условно, с тем чтобы он подготовился по русскому языку.

Три с половиной года пролетели незаметно. За это время надо было узнать все. Только Ленин и Крупская! В два дня чиновник! Он читал, наконец, и Пушкина. Он стал одним из лучших студентов.

Академия имени Крупской была интернациональным вузом. Товарищами талыша были украинцы, белорусы, карелы, бакинцы.

Мирза был избран секретарем комитета комсомола. Он обладал способностью без окриков руководить людьми, сплачивать их, увлекать работой. Комсомольцы-агитаторы академии имени Крупской славилась по всей Москве. За это в академии, вступили он в партию и, окончив учебу, вернулся в Баку. Он работал председателем Центрального бюро пионеров, преподавая педагогику, был директором научно-исследовательского института, культпромом ЦК комсомола Азербайджана, секретарем комитета комсомола одного из крупнейших нефтяных районов Баку. Затем снова работал в ЦК, но у него что-то случилось столкновение с теми, кто впоследствии оказались заклятыми врагами народа. Под благовидным предлогом его переводили на работу заводского Дубоного пионеров. Здесь он также работает с увлечением и огнем...

Мирза Мамедов вынашивал эту речь на минутах в колхозах, на горных дорогах по пути из селения в селение. Весь путь в Москву он строил эту речь, а потом писал ее на шести листах бумаги. 12 января эта речь покочилась в боковом кармане его пиджака, когда он вместе с остальными депутатами от Азербайджанской республики входил в зал советского парламента.

Шесть листов! В них было сказано много. В них была жизнь его народа и его собственная жизнь. В своей речи он хотел сказать о том, что трудящиеся Советского Азербайджана хорошо помнят копытное прошлое. В течение многих веков их угнетали ханы, герцоги, иранские феодалы, дарские колонизаторы. Мирза Мамедов хотел сказать, что принадлежит к маленькому народу, живущему на юге Азербайджана. Может быть, многие и не слышали о таком народе—талышах. «Нас немного, всего сто тысяч,—хотел сказать он,—и национально мы себя ведем всех остальных трудящихся Азербайджана. Вельми мы были национальным меньшинством в национальном меньшинстве. Даже парижский Дюбротерский так писал о жизни талышей: «Я никогда не находил такой жестокости и разорения народа, как в Талышском ханстве, под Российской державой находившимся...»

И еще хотел рассказать Мирза Мамедов о своем детстве, о гибели семьи, о том, как он девятилетним ребенком, работая батраком, продал ирисики и вот сейчас, возмужав в Советском Азербайджане так же, как вырос и окреп его народ.

Он не сказал этой речи. Такие же речи готовили его соседи—украинцы, белорусы, узбеки, талыши, казахи. Слыхом много времени потребовалось бы для того, чтобы высказать делегатов все национальностей. Так речь Мирзы Мамедова осталась произнесенной.

* ЗА ШКОЛЬНОЙ ПАРТОЙ

В Москве снег посылал ушами и мороз затряпал узорами оков домов. В Ленкорань солнце покрывало лица первым загаром, зеленели горы и моря набата, теплый ветер—предвестник весны. Мирза Мамедов обжегал селения и города, рассказывая своим избирателям о I сессии Верховного Совета. За время его отсутствия накопилось множество дел. Надо было готовить новые земли под цитрусосные питомники, проверить работу климатической станции, посмотреть, как прививают деревца меситских лимон и южноамериканских пробковых дубов. Он уже с головой ушел в работу, как вдруг его срочно вызвали в Баку. Совнарком утвердил его наркомом просвещения Азербайджана.

Взвруг оказалось, что все эти годы было только подготовкой к большой государ-

ственной деятельности. Пионерарбота в детском доме, изучение русского языка, учеба в академии, разнообразная комсомольская деятельность и, наконец, работа у сестры в Ленинском институте.

16 февраля 1938 года на улице Шаумяна, в народный комиссариат просвещения, пришел смуглолицый коренастый молодой человек. Мирза Мамедов спросил в кабинете исполнющего обязанности наркома, слушавшаяся ли разговором, знакомая с людьми. На следующий день Мирза Мамедов в первый раз присутствовал в наркомате партии полная неразбериха. Известно было, что за что отвечает. Начальники управлений не знали своих обязанностей. Брали наперекор, нарушали в наркомате, проводили отчеты учителей, наркомы присылали шести педагогов, изгнали русский язык из школ.

Воскряжились все новые и новые преступления. То оказывалось, что сорваны строительство новых школ, то обнаружилось, что в сельских местностях заморажено не охвачено учебной деятельностью тысяч девочек. Школьные библиотеки лишены совершенно афиши русской литературы.

«Хозяйство» было огромное: три тысячи триста тридцать три школы, шестнадцать тысяч девятьсот тридцать три педагогов, несколько сот тысяч школьников. Надо было, не теряя времени, ухватить самое главное—двинуть дело вперед. Мирза Мамедов начал строительство тридцати шести новых школ, сам занялся разбор заявлений уволенных педагогов. Открыл курсы по подготовке учителей по русскому языку. Летом через эти курсы пройдет две тысячи человек. Мирза Мамедов хорошо понимал, с каким трудом изучал он русский язык, и сделал все, чтобы облегчить учебу школьников.

Каждый день нарком получает десятки писем. Пишут ему сельские педагоги, выпускники, родители школьников, пишут ученые, писатели, инженеры, студенты, специалисты... Нарком просвещения предлагает обратить внимание на работу зональной станции, жалуются на неравномерное укомплектование школ, предлагают персональную пенсину. Для Мирзы Мамедова это самые существенные письма, письма избирателей своему депутату.

Работа в Баку Мирза Мамедов связан множеством нитей с Ленкоранью и талышскими селами. Как только представляется возможность, депутат Мамедов спешит побывать в своем округе.

Однажды после приема в наркомате, Мирза Мамедов поехал в горную часть Баку: ему захотелось побывать в школе, куда он пришел когда-то учиться, была далеко не лучшей школой Баку.

Двуэтажное старинное здание выглядело так же, как и тогда. Нет, школа, в которой он когда-то учился, была далеко не лучшей школой Баку.

За это время в городе выросли новые прекрасные школьные здания. Смуглый заводский пролет нарком по обширному району Баку, где стояла фабрика по Конституции. Ребята поднялись со своих мест. Нарком прошел и сел на задней парте. Смешное совпадение: именно в этом классе учился он грамоте четырнадцать лет назад.

Мирза Мамедов снова сидел за школьной партией, тесной и, конечно, изрезанной перочинными ножами. И в то время, как его критический взгляд учился, была обнаружена куратору, и порванную, девочек, сидевших отдельно от мальчиков, он думал о том, что учеба не кончилась, что народный язык стал столпом государственной школьной партии, что надо много учиться для того, чтобы оправдать великое доверие народа, для того, чтобы с честью заменить первого бакинского директора школных в борьбе за свободный Азербайджан.

Урок кончился. К наркомом подошел педагог узнать о впечатлениях от урока. Педагог пожаловался, что в школьной библиотеке нет литературы Азербайджанских классиков.

— Пушкин есть?—спросил Мирза Мамедов.— Нет Пушкина? Как же так? Сегодня же дам распоряжение прислать в школу полное собрание сочинения...

Герб Азербайджанской Советской Социалистической Республики.

Декады украинского, грузинского, узбекского, казахского и азербайджанского искусства, прошедшие в Москве с огромным успехом, показали замечательные таланты народов великого Советского Союза. На снимке: балет из 1-го действия оперы «Наргиз» в постановке Азербайджанского театра оперы и балета имени Ахундова.

АЗЕРБАЙДЖАН

САМЕД ВУРГУН

Я ходил по горам, и гаядела меж лугов
В журавлиные очи родных родников,
Издавала выслушивал шум тростинков
И ночного Аракса медлительный хол...

Здесь я дружбу узнал, и любовь, и почет.
Можно ль душу из сердца украсть?

Никогда!

Ты дыханье мое, ты мой хлеб и вода!
Предо мной распахнулись твои города.
Весь я твой. Навсегда в сыновья тебе дан,
Азербайджан, Азербайджан!

И неведжы порочили имя твое,
И безумцы пророчили горе твое,
И надежды измучили сердце твое,
Но пришла благородная слава твоя,
Великия твои дочери и сыновья!

Пусть Баку мой неведомый гость навесит:
Миллионами солнц его ночь поразит.
Если северный ветер на вышках гудит, —
Откалится эхом песчаный простор,
Полусонные горы ведут разговор...
Можно ль мать у ребенка украсть?

Никогда!

Ты дыханье мое, ты мой хлеб и вода!
Предо мной распахнулись твои города.
Весь я твой. Навсегда в сыновья тебе дан,
Азербайджан, Азербайджан!

В Ленкорани цветы и свежи, и стройны,
И прекрасны, как женщины нашей страны,
И амбары колхозные хлебом полны,
Белый хлопок сияет, как снег на горах.
Сок лозы виноградной кипит в погребах.

Выпей утром, когда еще море темно,
Этот сок, еще не превращенный в вино, —
Будет силою все твое тело полно!
Сила солнца — наш верный союзник в
борьбе,
И в работе она да поможет тебе!

О, страна моя, — родина музыки ты!
Твои песни, как летом плоды, налиты!
Ты серебряная колыбель красоты!
Стуки музыки — тысячи наших сердец:
В каждом малом селе есть любимый певец,
Не умрет Насими, не умрет Физули —
Дорогие поэты-старинной земли,

Как туманные звезды мерцают валаи...
Но родится здесь много таких, как они, —
Это близкие, это земные огни!

Можно ль песню из горла украсть?

Никогда!

Ты дыханье мое, ты мой хлеб и вода!
Предо мной распахнулись твои города...
Весь я твой. Навсегда в сыновья тебе дан,
Азербайджан, Азербайджан!

О, Баку! Шел по улицам старым твоим
Вожь народов, когда был совсем
молодым!..
Здесь он думал. И доб его ветер даскал.
Здесь учился. Великим учителем стаа.

Можно ль гордость у мира украсть?

Никогда!

Здесь дыханье мое, здесь мой хлеб и вода!
Предо мною распахнуты все города...
Сталин-джан! Навсегда в сыновья тебе дан
Азербайджан, Азербайджан!

Перевод с азербайджанского
А. АДАЛИС

ВЗРЫВ

О каждой жизни рабочих в дореволюционном Донбассе, принадлежавшем иностранцам и русским капиталистам, рассказывает в романе В. Гроссмана «Степан Кольчугин», первая часть которого вышла отдельной книгой. Работница Ольга Кольчугина два раза оставалась вдовой: ее первый и второй мужья погибли от несчастных случаев на работе. Ее сын Степа был ранен в перестрелке с войсками, повелевавшими рабочих вставать в 1905 году. В отрывке из второй части романа, который мы печатаем, действие происходит в 1911 году. Степан Кольчугин, ставший уже подростком, работает подручным горнового в лоземном цехе металлургического завода.

Когда Марфа, войдя в комнату и не глядя на Ольгу, сказала: «На домне беда...», Ольга одним губами спросила: «Что?» и несколько секунд смотрела на подоконник, кивая, токуя лампочку. Дед Платон так растерялся, что, не произнеся привычной фразы «Как я чувю, так и вышло», молча начал спускаться с печи. Он не рассчитал своего сил и повис на лютках; Марфа помогла ему спуститься, дойти до табурета. Павел, еще не спавший, посмотрел на мать и заплакал. А Ольга стояла молча, не имея сил преодолеть оцепенение, охватившее ее.

Вдруг она вскрикнула: — Ой, боже, боже мой! — и побежала на улицу; Марфа побежала за ней.

Павел заревел во весь голос и, подбежав к деду Платону, начал тереть его за рукав:

— Пойдём, дедушка, пойдём... Ты что на печи все да на печи? Идем. — Сейчас, сейчас... борнотая дед Платон.

Он дотронулся до костяной и, взмахнув ею в воздухе, адрог закричал:

— Я ни кем, подлесам, головы костылем поразбиваю, кончилось мое терпенье, жизнь терпел, а теперь кончилось... Людей убивать, это что? Да! Молодых, старых — и с вами расправлюсь! Я ни за Степу, и ни всем головам поразбиваю! Я что — не вижу, что вы делаете, думаете, на печке? Нет, шахтерское сердце все поминит, ничего не забавит!

Незастегнутые тяжелые ватные штаны спустились ниже колен, обнажились его худые, мертво-белые ноги, искривленные и изуродованные ревматизмом. Дрожжания пальцами он начал подгибать штаны, стараясь застегнуть пуговицы; а рядом стоял мальчишка в прогоранной рубашонке с такими же страшными кривыми белыми ногами.

Он ахнул: — Дедушка, Степу утащили тоже, да? Наконец, кое-как оденшись, дед Платон пошел к двери, сопровождаемый Павлом. Дигался он медленно, каждый шаг хватаясь свободной рукой за колено, кряхтя и вскри-

кивая; вскоре он совсем выбился из сил, отступил в темноте и упал на бок, сбив с ног Павла.

— Сейчас, сейчас, вот колено разотру и дальше пойдем,— говорил он мальчику.

Но силы в ногах уже не было вовсе, несколько раз он пытался подняться и не смог. Так они сидели в темноте, прижавшись друг к другу, и оба ахнули: увидя на зарево над заводом.

Весь цех несчастье распространилось быстро по поселку, и когда Ольга выбежала на дорогу, она увидела несколько бегущих женщин. Марфа отстала, осталась далеко позади.

Ольга не чувствовала усталости, хотя уже бежала долго. Вся боля, бывшая в ней, была страх, вся любовь поднималась, больше она уже не могла пережить, и если что случилось со Степаном,— значит, смерть; и в ней только и был ужас от мысли, что она умрет не сразу. Ее сдержанность и молчаливость в перестрелке уже несчастьем происходила не от черствости ее души. Нет, в душе была великая сила, и эта сила сдерживала боль, живящую в ней.

Рабочие люди знают такие большие характеры, способные молча, не уронив слезы, перенести великие несчастья; но раз Ольга слышала обращения к ней слова:

— Плячь, плячь, что ты их в себе держишь, выгнать они тебе все!

И нет ничего страшней чем горе, наконец прорвавшееся наружу у таких людей: оно ломает их как бы в отместку за то, что долгими годами не могло победить их, согнуть.

— Ой, боже, боже мой! — вскрикивала Ольга и все бежала вперед.

В долине между заводом и поселком было темно, Ольга ни разу не споткнулась, хотя дорога была в кочках, ямах, канавках. Несколько теплых капель упало Ольге на лицо. Небо было подернуто легкой дымкой, такой тощей, что через нее ясно просеивались звезды, и, казалось, маленькие, едва весомые капли падали не из облаков, а открывались от дрожжаний звезд; было тихо и в небе и на земле, шум завода был плохо слышен в котловне. Когда Ольга начала подниматься по склону, свет заводских фонарей осветил ее лицо. На встречу ей шли двое рабочих.

— Не туда, мать, не туда! — закричала один. — В больницу их несли.

Ольга побежала тропинкой направо, а рабочие долго стояли, глядя ей вслед, молча качаясь головами. Потом один сказал:

— Ох, це беда, так беда, и не мушт, фицпелно скрозь гордовикими...

— Муж или сын,— сказал второй и прибавил: — Вот при старом директоре пожарники в каждом цехе были, а новый распустил их: дармоеды, говорят.

— Так я и кажу, шо дармоеды,— сказал

первый,— спать тебе и ночь, ты робаш, аж шкура с тебе слезет, а вни слмайт соби, та тютюн курить.

— А вот были б они на домне — и никакого случая не вышло бы!

Та ии,— сказал второй, махнул рукой и, повернувшись, проводил глазами женщину, чья фигура мелькала уже между высокими заводскими фонарями.

Воле большины собралось около ста рабочих, много женщин. Гордовоме старались оттенить толпу от прохода между длинным каменным сараем и низким зданием мертвецкой. Толпа направила, стараясь вырваться из этого коридора, чтобы выйти на широкий двор и подойти к окнам большины.

— Осали, осали! — твердили гордовоме, подирав толпу плечами.

— Ничего там не увидите,— говорила седоусый гордовоме с двумя мезалыми.— Окна — и все. Куда ты лезешь? Ну, куда ты? Подальше назад, тебе ж говорят, гуляна твою голова! — слытно сказал он особенно сильно напирившему вперед Вере Павлу.

— Брат не все там,— объяснил гордовоме рабочий и пропустил вперед девушку.

— Все мом там,— крикнула Верка,— и Степа мой там и Мишка мой там,— и, вцепившись в черной рукав старика-гордовоме, сказала с мольбой: — Пропусти меня, дедушка, меня только одну, я тихо, в окошко посмотрю.

Старик-гордовоме посмотрел в ее светлые глаза, из которых быстро, одна за другой, бежали слезы, и крикнул:

— Не велено пускать, с вами сперва похорошему, а тихо, как доведете, сами обижайте! — и адрог итермоме добавил: — Проходи, дура, быстро только,— и, повернувшись, дал Вере дорогу.

Она бросилась к большине, но стоявший рядом со стариком высокий гордовоме с красным бритым лицом успел схватить ее за кофты и с силой толкнул обратно в толпу. Девушка упала бы, но ее поддержали.

— Куда? — весело крикнул гордовоме. — Видала, а?

Ему, видно, нравилось так исправно и ловко нести свою службу. В это время к толпе подбежала Ольга Кольчугина. Она тяжело дышала, черные глаза ее были страшны. Все узнали ее, и, как ни было темно, она пропала по адрог образовавшемуся коридору под тихий шепот толпы.

— Кольчугина!

— Сперва мужа, теперь сына.

— Дух, милья! Второй у нее был...

Большинство рабочих знало ее хорошо. Молча, сдерживая дыхание, они смотрели на ее лицо и незлобно отворачивались: так тяжело было думать о том, что чувствует сейчас эта женщина.

Она прошла вперед, и навстречу к ней кинулся Верка:

— Тети Оля, тетя Оля, и Степа ваш и Мишка — оба, оба!

Она обняла Ольгу и от прикосновения к ее разгоряченному телу адрог почувствовала себя маленькой, беззащитной, несчастной, гневом и непоправимо обиженной и заревела громко, по-детски:

— А эти, проклятые, не допускают, как с собакой...

В толпе заплакала женщина, потом — вторая, третья...

Ольга дрожжаниями руками растегнула пуговицу сланившей горло кофты, но невиди-

мая рука продолжала сжимать ее горло. Она провела пальцами по шее, надувала щечку тельного креста и рванула за нее; щечка не поддавалась, тогда с внезапной яростью она вновь рванула, что было сил, и, оборвав нить, кинула его на землю. Багровая полоса на шее окрасилась кровью, но Ольга не почувствовала боли. Медленно сделала она шаг вперед и сказала одним губами:

— Пустите меня к нему.

И вся толпа шагнула вслед за ней.

Высокий бритый гороховый, поймавший Веру, вселся и, пожалуй, даже добродушно крикнул:

— Осади, осади, баба, назад! — и с видимым удовольствием, играя басистым сочным голосом, рявкнул: — Куда прешь?

Он не мог понять чувств Ольги и не мог понять, что переживали рабочие и женщины, глядя на Ольгу. Он был враждебен и чужд людям, стоявшим перед ним, он жил в другом мире, где были свои тревоги, и сейчас его занимало, что надзиратель поставил его старшим над пятью товарищами, из которых двое были уже старые, служившие в Ростове, а один — даже имел медаль. И мысль об этом тешила и веселила его; а люди, толпившиеся перед больницей, и высокая женщина с расплетенными волосами — все это было чуждо ему, враждебно и

только мешало исправно и расторопно нести службу. И он, ничего не понимая, вдруг отступил на шаг и сжался рукой за кобур, когда посмотрел на искаженное ненавистью лицо женщины, стоявшей перед ним, на ее черные, сухие глаза.

— Пусты! — сказала Ольга.

— Назад, назад! — крикнул он, вдруг ощутив тревогу.

Ольга чувствовала, что сотни глаз смотрят на нее, что люди, стоящие рядом, пойдут за ней, куда бы она их ни повела, она была их болью и гневом, но если б даже она стояла совсем одна против несметной армии, она все же пошла бы к сыну.

— Назад, назад, назад! — кричал гороховый, точно заговаривая ее. — Назад, назад!

— Пусты! — вдруг закричала она и со страшной силой, по-мужски ударила его кулаком в лицо.

Он отшатнулся, схватившись руками за окровавленный рот.

— Камнями их, сволочей, камнями! — пронзительно закричала Вера.

Рабочие кинулись на гороховых. Но Ольга не видела, что делается во дворе. Она бежала в темный больничный коридор, распахнула первую дверь и вошла в пустую ярко освещенную комнату. Высокий белый стол на тощих длинных ногах,

белое ведро, несколько белых табуреток, желто-коричневые кварталы линолеума — она увидела все это сразу, сознание вернулось к ней, несколько раз она вдохнула крепкий запах карболки. Из соседней комнаты поплыла громкий мужской голос. Ольга пошла на голос.

— Кончился, кончился, нет его, уже нету. — шептала она и медленно открыла дверь.

Перед ней стоял доктор Кравченко, влохмаченный, рыжий, в распахнутом белом халате. Он сиял золотом и белизной, освещенный яркой электрической лампой и рокочущим голосом говорил фельдшерке:

— Вот, повятой, теплые одева, грудь свободна, всю ночь окна держать настежь, если что, протелефонируйте в аптеку, Соломон Абрамович за мной придет, или лучше сразу присылайте кучера...

Он повернулся в сторону вошедшей Ольги и сердито крикнул:

— Это что за номер! Врываться через операционную? Как вы смели... — но, посмотрев на ее лицо, окровавленную шею, вдруг тяжело ступил к ней своими толстыми, медвежьими пятами и закричал:

— Жив, жив! Слышите, голубка моя, жив!

Она протянула к нему руки и, рыдая, повалилась на пол...

— Пусты! — вдруг закричала она и со страшной силой, по-мужски ударила его кулаком в лицо.

СЛЕДУЯ ПО МОС

Очерк И. СЕРГЕЕВА

Под 55°46' северной широты и 37°39' восточной долготы стоит великий город Москвы.

В полночь рубиновые звезды горят над Кремлем. Золотые стрелки кремлевских часов вытягиваются нажару, и над мавзолеем Ленина, над столицей, над страной, над миром медленно плывут мерные удары колокола.

Двенадцать часов ночи.

В полночный час Москвою над далеким Байкалом встает солнце, над островом Сахалином — яркий день, а в Улан-Уде, на Чукотке, готовятся к обеду.

Почти седьмую часть мира занимает РСФСР — первая среди равных одиннадцати союзных республик.

От Балтики на западе до Берингова пролива на востоке, от лесов и болот Белоруссии до вулканов Камчатки, от золотых полей Украины до Тихого океана лежат земли Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

Столица ее — Москва — сердце революции, сердце страны.

Через великий город проходит пятьдесят пятая, московский параллель.

К северу и к югу от московской параллели на сотни километров простираются земли, обжитые издавна.

На север от этой области, культурной полосы на старых картах тянулись белые пятна. Их края были очерчены смутными контурами. Царская Россия не знала своих границ, своей земли, своих богатств.

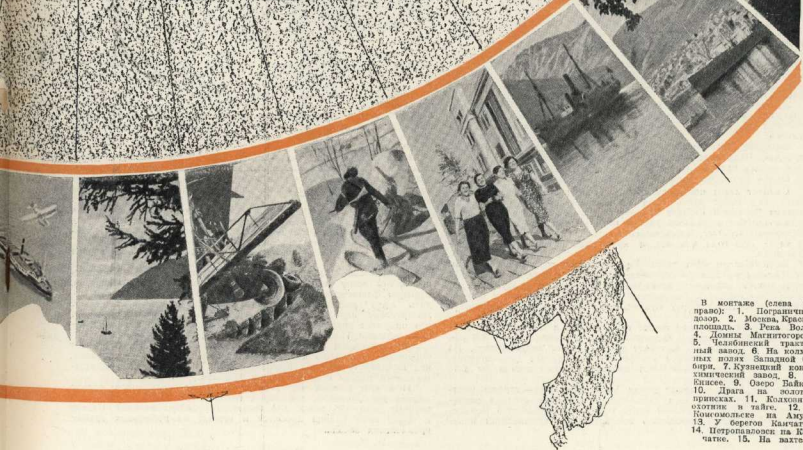
Но даже эта полоса, между 50-й и 60-й параллелями, хотя и считалась известной, была во многих местах дика и пустыня.

Только в западной ее части, там, где рождаются Волга, Ока, Днепр и Дон, стояли старинные русские города; лишь между столицей империи Петербургом, Москвой и Уралом дымили трубы заводов и фабрик. Чем дальше на восток, тем гуще становилась Россия.

За Уральским хребтом начиналась безбрежная страшная Сибирь — страна каторги и ссылки. Только одна пара стальных рельсов уходила на восток, к берегам океана. По сторонам узкой железнодорожной насыпи лежали плоские степи с редкими и грязными городами, леса, болота, тайга, горы, тишина и глушь. И в этой глуши хищнически добывалась золото, в тесных дебрях бродили охотники-зверологи. Величавые реки: Иртыш, Обь, Енисей, Лена, Амур — пересекали огромные и дикие пространства.

Множество народов населяло «культурную» полосу. Самым многочисленным народом были русские. Но на крайнем западе этой полосы жили белорусы и украинцы, севернее Москвы, близ Твери, — карелы, восточнее —

ПАРALLEЛИ И КВАДРАТЫ...

В монтаже (слева направо): 1. Пограничный завод. 2. Москва, Красная площадь. 3. Река Волга. 4. Домны Магнитогорска. 5. Челябинский тракторный завод. 6. На колхозных полях Западной Сибири. 7. Кузнецкий комбинат. 8. На Белене. 9. Озеро Байкал. 10. Драга на золотых рудниках. 11. Колосово-Соловьево в тайге. 12. В Комсомольске на Амуре. 13. У берегов Камчатки. 14. Петропавловск на Камчатке. 15. На вальце.

мордва, на волжских берегах — чувашки, марийцы, татары, немцы, в северных округах Урала — коми и удмурты, в южных — башкиры, за Уральским хребтом — манси и ханты, в Алтайских горах — ойроты, теленгеты и шорцы, восточнее их — хакасы, вокруг Байкала — бурят-монголы, к северо-востоку — якуты и якуты, на побережье Охотского моря — ороши, удале, инххи, камчадалы — огромное число народов, для которых старая Россия была тюрьмой.

Долгие века росла и складывалась восточно-великая наша родина. Смысл открыватели новых стран, безземельные погородцы, кавалы Дежнев, Ермак, Поверхов и Хабаров, мореплаватели Беринг, Лаптевы, Челюскин — назвали расширили наши земли.

Но земли эти долгие века лежали втуне. Покоренные народы новых стран вымирали. Обладатели земли несметных богатств, Россия начала с каждым годом. Бездарное царское правительство под конец стало продавать земли нашей страны. Так были проданы золотая Аляска (в 1867 году), Курильские острова (в 1875 году), проливы Порт-Артур, так были отданы на разграбление иностранцам золото Леня, уральская медь, полиметаллы Алтай.

В октябре 1917 года победила Великая социалистическая революция, давшая богатствам страны настоящего, заблудившего хозяина.

Великой сын русского народа Владимир Ленин, светлый гений человечества, поднял знамя освобождения трудящихся всего мира от капиталистического рабства.

Весь капиталистический мир объединился, чтобы задуть молодую Республику Советов. Со всех сторон ринулись на нее чужеземные армии: по старому пути немецких пов-рымарей шли германские полчища и генерал Юденич, с севера наступали англичане, с юга — Деникин и Врангел, с запада — поляки, с востока — Кокач и японцы. Но все эти враги были разбиты и сметены народами нашей страны во главе с русским пролетариатом, во главе с партией Ленина — Сталина.

Возьмем в руки карту РСФСР, изданную в 1928 году, сядем в быстроходный самолет и полетим от западной границы на восток наступающему дню. Трасса нашего пути пойдет по параллели Москвы.

Под нами Чудское озеро, старинный город Псков, леса, советская граница, закованная в сталь и бетон. Уралам издана земля, поля и реки. Слева на горизонте, в жемчужной дымке тумана, встает город Ленинград — колыбель революции. Некогда здесь была столица России. Огромные пустынные пространства отрезали ее от всей страны. Не даром Маркс назвал Петербург эксквизиционным центром империи.

Вокруг Ленинграда дымят заводы, фабрики, комбинаты. До революции город давал двенадцатую часть продукции всей русской промышленности. Сейчас Ленинград дает столько промышленной продукции, сколько выработывали все предприятия империи. Турбины, моторы, генераторы, конвейеры, автоматические телефонные станции, обувы, текстильные, табачные машины, микроскопы, биомикры, северные комбайны, тракторы — все это стоит на себе марку «Л», что значит «сделано в Ленинграде». Петербург некогда не выпускал таких машин. «Б Ленинград остался старым, — говорил Киров, — только сложившиеся революционные традиции петербургских рабочих, все остальное стало новым».

Южнее Ленинграда простираются области льда. Его здесь больше чем во всех странах Западной Европы.

Самолет летит на восток, и тут наша карта еще более начинает раскрываться с действительностью. И под Москвой, и в самой Москве, и вокруг столицы выросли сотни новых заводов и фабрик, среди которых такие гиганты, как Автозавод имени Сталина, Ша-

рикополидинки, Фрезер, Кайбир, Электрокомбинат. Серебристо-голубая полоска канала Воага—Москва тянется к столице. Под Москвой поднялись новые города—Стангиногорск, Электросталь... Ни этого канала, ни этих городов нет на карте десятилетней давности.

К югу от Москвы раздолье мощная подмосковная котловина—угольная бассейн. Его томят не было на старой карте.

А дальше на юг, за новыми тульскими заводами, за Калугой и Рыбнью, лежат области чернозема. Те, кто простал на над ними десять лет назад, должно быть, помнит пеструю вишнюю землю мелких крестьянских хозяйств, землю, покою на доскутное ослыло. Сейчас здесь тянутся огромные массивы пшеницы, овса, картофеля—поля колхозов. Здесь передовое сельское хозяйство, металлургия, машиностроение, синтетический каучук.

Волжские города: Горький, Казань, Куйбышев, Саратов—стали крупными промышленными центрами. На нашей карте город Горький еще называется Нижним Новгородом, а Куйбышев—Самарой. Сейчас из этих городов идут киноленты, комбайны, шпунтовые машины, автогайки—вещи, которые старая Россия не производила. На Самарской дуге кипит работа: здесь будут величайшие в мире гидроэлектростанции. Они поднимут воду для орошения засухиного Поволжья, дадут энергию Москве, волжской промышленности, Уралу.

Баз Уральной хребта гора открывает все больше нового. Новые города пропоядают под самолетом: город химии—Березники, город бумаги—Красноярск, город драгоценных камней—Ижевск, город горного дыла—Абест, город угля—Копейск. Нет этих городов ни на нашей карте, как нет и города Ишимбаево—нефтяного центра Башкирии. До революции здесь никто и не думал искать нефти. А сегодня Башкирия—третья нефтяная база СССР.

За горными кряжами, к востоку от Башкирской республики, стоит новый город—Магнитогорск. Гигантский металлургический комбинат дает почти 40% металла, производившего всей царской Россией.

Севернее Магнитогорска Свердловск, город крупного машиностроения, Челябинск—родина гусеничных тракторов, Златоуст—качественная сталь, Нижний Тагил—вагоны. Эти города значатся на нашей карте, но прежний их облик и уменьшился несравненно. Самолет летит навстречу солнцу. Море золотых хлебов колыхается под нами: здесь одна из главных житниц РСФСР. За степями Западной Сибири начинается богатейшая угольная страна, по мощности запасов равная пяти Донецким бассейнам. Это знаменитый Кузбасс. Здесь много городов. Ни одного из них нет на карте 1928 года, как нет и крупнейшего города Кузбасса—Сталинка.

За Кузбассом идет тайга. Ее пересекает голубая лента Енисея. Плывут по Енисею огромные пароходы, плоты, баржи. Нале перед нашим самолетом летят на север тяжелые воздушные ко рабли. Они спешат к Ледовитому океану, в устье реки, к новому городу и морскому порту Игарке, к молодым городам Дудинке и Норильску.

На восток от Енисея лежит глубочайшее в мире озеро—Байкал. Серебристым серпом вытянулось оно с севера на юг. 336 рек впадают в Байкал, но вытекает из него одна лишь Ангара. На буйной этой реке Ангаре вскоре станет шестая гидроэлектростанция. Она даст стране такую массу энергии, сколько смогли бы дать двадцать Днепростоя.

Вокруг Байкала лежат земли Бурят-Монголии—страны охотников и скотоводов. Под самолетом проплывает столица республики—Улан-Удэ. На старой карте город еще называется Верхне-Ульинск. Захудалый городишко превратился в крупнейший индустриальный центр.

Десятки новых дорог и шоссе пересекают тайгу. Дороги бегут к границам дружественных республик—Тайну-Туве и Монголии, дороги тянутся на север, в Якутию...

Богат золотом, идеями лесокосмками, пушиной и лесом этот далекий край. Мощные драги снесли жалкий золот стартера, на месте глухих привоксов выросли города золотой промышленности.

Навстречу нам дует вальяжный ветер Тихого океана. Открывается Дальневосточный край. Никакие географические карты не могут поспеть за ростом этого края. Здесь а скважичо короткие сроки вырастают города в тайге, поднимаются заводы, шахты, фабрики, нефтяные промысла, протягиваются новые шоссе и железные дороги...

Много городов возросло на Дальнем Востоке за десятилетие. Славнейши из них—Комсомольск на Амуре—крепость обороны, город юности, построенный руками советской молодежи. На восток от него, за узким Татарским проливом, лежат остров сокровищ—Сахалин.

Был Сахалин пустынным куском земли. А сейчас здесь черной лес нефтяных вышек, копы угольных шахт, у берегов острова ходит китобой, караваны и траулеры. Мимо острова идет на север океанский лайнер и бухта Ногаяво, где стоит новый город Магадан. От него в глубь страны, через горные перепалы идет шоссе к Колыме, к богатейшим месторождениям золота, а в восточную часть республики. В тайге новые города: Атка, Срединка, Такеши, Углюдок, Селвинка; лишь немногие из них внесены на карту.

И вот под нами качаются волны селого Охотского моря. Голубеет на горизонте туманная земля, белые облачка недвижно висят над ней. Но это все облака—это сиюгневые вершины вулканов, это полуостров Камчатка—край драгоценной рыбы. Много раз пытались японские фрегатеры—самураи оттащить у нас Камчатку, Сахалин и Приморье. Но русский народ, сумевший семь веков томят назад отстоять свои земли на западе, отстоя и дать дальневосточные земли. Он выгнал японских самураев с такими же позором, с какими гнал и уничтожал немецких солд-ры-парей.

Колоссальность богатства великой РСФСР. В недрах ее хранятся мировые запасы каменного угля, железа, золота, платины, ванадия, торфа... Величайшие в мире плацдармы чернозема. Величайшие в мире массивы лесов. Самые большие на земном шаре оленьи пастбища.

Среди союзных республик РСФСР самая богатая. И богатства ее помогают ослепшим десяти республикам быстрее и отста-реть. Среди союзных республик РСФСР самая культурная. И культура ее есть достояние всех народов, населяющих СССР.

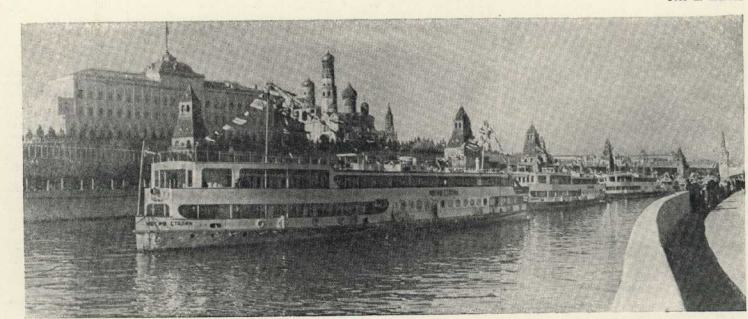
РСФСР—первая из одиннадцати республик, но она первая среди равных.

Троцкистско-бухаринские агенты фашизма хотели продать по частям нашу землю германским и японским империалистам. Шпионы фашистских разведок, диверсанты и убийцы хотели от-дать нашу родину на разграбление иностранному капиталу.

Но русский народ вместе со всеми народами Союза показал, что он умеет справиться не только с внешними, но и с внутренними врагами. Простители были сметены с лица земли. Мы закончили нашу полет на восток. Новая мила окутывает побережье Охотского моря. Мерцают звезды над Тихим океаном, над Владивостоком, над Комсомольском. В ночную тишину вслу-шаваются зоркие сторожа наших рубежей.

И в этот момент как далеко на западе полуденное солнце пляшет над Москвой, где народ готовится к великому торже-ственному дню—26 июня, где живет и работает великий Сталин и яркие лучи солнца дробятся и играют на рубиновых горах кремлевских звезд...

Фото И. Шагина

С необъятных волжских просторов красавицы-теплоходы пришли к берегам полноводной Москвы-реки, к стенам Кремля!

Знамя Горького

Два года назад подлые изменники родины, троцкистско-бухаринские убийцы, злодеи умертвили великого proletарского писателя Алексея Максимовича Горького. Враги ненавидели Горького потому, что он всю жизнь боролся с миром нажми, обмана, насилия и глумления над человеческой личностью, с тем миром, гнуснейшими предвзвещениями которого они являлись. Троцкистско-бухаринские бандиты хотели превратить наш народ в бессловесное стадо, восстановить в нашей стране бесчеловечный строй капитализма. Они ненавидели Горького потому, что на его знамени был начертан призыв к борьбе за свободное, разумное человека, создателя свободного, бесклассового общества.

Все творчество Горького было страстным утверждением человеческой воли и разума. О возможности человека, о судьбе человека Горький просто спорил с пессимистами, жидками, циниками — всеми, кто из злобности одиозатория в образе человеконенавистника и ренегата Климма Самгина.

Самыми разными ролями хотели представить судьбу человека чем-то вроде плоского круга, из которого нет выхода. Человек, по их утверждениям, пошл, ничтожен и эгоистичен, он способен только на мелкие и жалкие чувства.

Мысли Самгина впервые в творчестве Горького выразил дятел — любитель истины.

«Истина, провозглашаемая дятлом, заключалась в том, что лететь за счастьем некуда: земля круглая — все птицы рано или поздно вернуться на старое место.

Но чуж, которого дятел обзовал игуном, маленький чуж, упрямо вел:

«Я слышу карканье ворон.
Смуцонных холодов и тымой,
Я вижу ирак, но что мне он.
Коль болд и всея разум мой?
За мной, кто смея! Да сгинет тыма!
Душе живоя — в ней места нет!
Зажег сердца огнем ума —
И воцарится всюду свет!»

Традицией классической русской литературы была жалость к униженным и оскорбленным. Гениальными обличителями: Гоголь, Толстой, Достоевский — умели обнажать извы общества, в котором задыхался человек, но не видели путей освобождения человека. Горький едва ли не первый предложил «зажечь сердца огнем ума», он восславил разум — начало, питающее и преобразующее. Он заговорил о пути вперед и вверх, которым может и должен идти человек.

А. М. ГОРЬКИЙ.

Гравюра на дереве худ. А. Солдатовича.

И об этом заговорил писатель, знавший, как никто, бездонную мерзость российской действительности! Глядя в лицо всем ужасам и гнусностям, глядя в лицо человека, обезображенного жестокой жизнью, Горький знал, что человек может и должен стать другим.

Нужно изменить условия, изменить государственный строй — и человек станет таким, каким он должен быть: смелым, трудолюбивым, способным на большие, героические дела.

Вспомним рассказ Горького «Супруги Орловы». Орловы — двое молодых, здоровых, красивых, любящих друг друга людей. Они могли бы жить счастливо, дружно работать, воспитать отличных детей. Но их жизнь проходит в непрерывных драках и пьянстве. Пьяный Орлов избивает жену до того, что она лишается возможности быть матерью. Он делает ее жизнь до того невыносимой, что жена несмотря на всю свою любовь к нему от него уходит.

Кто виноват в этом? Виновата страшная обстановка, бессмысленный, тусклый труд, не дающий человеку удовлетворения. Виноват бесчеловечный строй капитализма.

Вспомним другого горьковского героя — Коновалова. Разве этот ментальный богатырь, этот мастер своего дела, человек с большой и нежной душой, стал бы боском и бродягой в иных условиях?

Могучие силы бродят в людях, силы, которыми они не умеют и не могут найти

применения. От этого люди превращаются, бьют друг друга, истязают женщин и детей. Все это может быть изменено.

Растет новый человек, мужественный, сильный, готовый поспорить с судьбой, изменить условия жизни. Этот человек поднимается из низов. Путь его похож на путь самого Горького, описанный в повестях «Детство», «Из детства», «Мои университеты». Биография Горького, в сущности, — биография нового героя, строителя жизни.

Вера в человека, способного преобразить жизнь, не покидала писателя в самые страшные годы, в темные годы разгрома революции. Когда, после разгрома революции 1905 года многие литераторы удержались в порнографической, когда пыльным цветом расцветали на взволнованной почве обывательщины всевозможные Самгины, только у Горького, связавшего свою деятельность с работой большевистской партии, нашлась для народа большая, смелая, светлая сила.

Повестью «Мать» Горький утверждал рост народных масс в революцию. Эта повесть, так восторженно встреченная Лениным, показала, как вырастает в настоящего человека, в любящую мать всех идущих бороться за будущее робкая, забытая женщина Нилова. В годы отчаяния, отлученности, азефонщины гордо и упрямно прозвучали слова: «Идут лучшие сердца, честного ума люди, наступают на все злое, идут, топчут злое крепкими ногами. Молодые, здоровые, несут неборимые силы свои все к одному — к справедливости!»

Вера Горького в творческие силы человека была верой в революцию, в новое общество, которое строят молодые, сильные рабочие руки.

Вся пламенная публицистика Горького советских лет, вся его многообразие, типическая общественная деятельность была направлена к одной цели — к утверждению нового, социалистического человека.

«Героем наших дней», — писал Горький, — является человек из «массы», чернорабочий культуры, рядовой партии, рабескор, военкор, иззач, выдвинженец, сельский учитель, молодой врач и агроном, работающий в деревне, крестьянин-комсомолец и активист, рабочий-изобретатель, вообще человек массы! На массу, на воспитание в ней тайных героев и должно быть обращено главное внимание!»

Вещие слова! Каждый день нашей жизни приносит все новые и новые подтверждения великой правоты этих слов. Разве панпани-

ская эпопея не показала всему миру, на что способен человек из массы? Разве рост массового героизма в нашей стране не есть свершение лучших душ Горького, сумевшего еще в 1928 году предвосхитить те грандиозные изменения, которые внесут сталинские пятилетки в сознание масс?

Великая мечта Горького о человеке все более и более облекалась плотью и кровью. И хотя в одной из своих статей он пишет о Новом Человеке с большой буквой, это вовсе не значит, что Горький ставил нового человека на pedestal и любозавстал им. Горький — больше чем кто-либо другой из наших писателей — был связан с народом тысячами нитей. Горький лично был знаком с сотнями советских людей: рабочими, колхозниками, студентами, инженерами, — он умел радоваться тому, что было в этих людях подлинно нового, и беспощадно разоблачал старое и гнилое.

Горький никогда не устал работать. Вспомним его пламенное письмо рабочим Магистростроя (1931 год) с призывом бороться против классово враждебных влияний, проникающих в рабочую среду. Вспомним его гневную отповедь «кандидату в паразиты», как он называл молодых людей, тосковавших о «красной жизни». «Если вы, молодые люди, — писал он, — действительно хотите «большей красоты жизни» — делайте ее, идите рука об руку работать с теми, кто героически строит небывалое, гранди-

озное. В жизни накопилось огромное количество прекрасной, практической работы по обогащению нашей земли, по освобождению людей из поозорного плена предразсудков, предревдений, суеверий. Все, что было сделано в прошлом общепозорного для человечества, — все это только начало работы, только первые камни фундамента, на которых мы начали строить новый мир нашей коммунисты, рабочие и крестьяне».

Горький видел, что новый человек рождается в беспощадной борьбе со старым и гнилым, унаследованным от эксплуататорского общества. И всю силу своей блестящей сатиры он направлял против этого старья и гниля, не устая разоблачать предателей, пошляков, лицемеров, ханж, Самганых, прикрывавшихся различными масками.

Он ненавидел их. Со всей страстью своего большого сердца он ненавидел этих личинок, которые обладают хорошо развитым умением лгать и, когда нужно, неплохо умеют притворяться «друзьями народа». Но никто так не презирал народ, как эти самоуверенные, насквозь гнилые субъекты, варварская деятельность которых направлена во вред народу, против народа.

Горький видел, что новый человек — это человек труда. И он не устал писать о величайшем революционном значении коллективного труда, о воспитании трудом, не устал разоблачать лодырей и брако-

делов, клеветать недобросовестную, халтурную, неярившую работу.

Горький видел, что новый человек — страстный поклонник науки и техники, что каждый колхозник, пишущий стихи, спрашивает о книгах, жадно стремится к знаниям. И он неустанно писал о величии разума, провозглая герою науки, сам пропагандировал научные открытия, страстно призывал молодежь к учебе.

Когда изучаешь его биографию, вчитываясь в его книги, начинаешь понимать, что сам Горький воплотил в своем образе те черты нового человека, за счастье которого он боролся всю жизнь. Великий Горький был влюблен в труд и в науку, был предан до конца родине и великому делу коммунизма, страстно и пламенно ненавидел врагов трудового народа.

Ядро революционного пролетарского мировоззрения Горького в его глубочайшей вере в силу масс, в силу трудящегося человека, призванного создать общество коммунизма.

Знания партии Ленина — Сталина было и знаменем Горького, и, цепляясь в Горького, враги народа целились в большевистскую партию. Но, физически уничтожая Горького, они не могли уничтожить его идеи, потому что идеи Горького — это идеи Ленина и Сталина, идеи, которые начертаны на своих знаменах всех многомиллионный советский народ.

Горький и Коцюбинский

В. КАЛУГИН

Интернационализм — одна из основных черт мировоззрения Горького. Еще в 1912 году он писал о единстве политических задач всех угнетенных национальностей в борьбе против врага, общего для «холода», «качания» и «культа». С огромным вниманием следил Горький за развитием национальных литератур. Примером того, как близко принимал к сердцу Горький рост национальных литератур еще в дореволюционные годы, может служить его отношение к украинской литературе, в частности к представителю ее революционного крыла — к писателю Коцюбинскому.

Горький хорошо знал и любил Украину. Он прошел ее пешком из конца в конец. «Моя симпатия к народности украинской возникла еще в 91 году, когда я ходил по Украине», — писал он в одном из своих писем. Горький батрачил в селах Готле, Малиновках и др. Он высоко ценил и любил народные украинские песни, в которых отражалась душа народа, в которых звучат то лирическая грусть о неуспевающей мечте, то гнев и угрозы гнилящих радости и возможности. Хороня «век» был Горький со старой украинской литературой. Особенно ценя он Шевченко, Чумача-Артемюшково, Квитку-Осовиченко.

Знакомство и дружба Горького и Коцюбинского началось задолго до их личной встречи. Они знали и ценили друг друга по произведениям.

Во время реакции, наступившей после 1905 года, Коцюбинский резко выступил против националистов Гринченко, Винничука и др., которые бакировались в буржуазно-националистических украинских кругах. «Идет нечто записываемое, амальгамное», — писал Коцюбинский о «Новой громаде», органе националистов. Горький в то же время отказывался печатать украинскую буржуазных националистов, разоблачая в своих из-

тературных выступлениях реакционную сущность их пронационалист.

В Коцюбинском Горький нашел единомышленника, писателя-революционера, близкого ему по взглядам и настроениям.

Еще до знакомства с Горьким в творчестве Коцюбинского появились мотивы и идеи, близкие темам Горького, «Смех», «Он идет», «Гата Могдана» Коцюбинского перекликаются с пьесой Горького «Враги» с романом «Мать». Горьковский Бардин из «Врагов» и Чубинский из «Смеха» схожи: оба они за либеральной болтовней скрывают свою реакционную сущность.

1 июня 1909 года Коцюбинский впервые встретился с Горьким на острове Капри. «Ненего и говорить, что я был привит с распространителем обитием. Но меня жмет по литературе и, оказывается, ценит», — писал Коцюбинский Алланской.

Под влиянием Горького Коцюбинский решительно ставит социальные проблемы, твердо укрепляется на революционных позициях, совершенствует свой художественный метод.

Оба писателя делились художественными замыслами, советовали, читали друг друга новые произведения. Коцюбинский советовался с Горьким по вопросам творчества и далекой личной жизни. «Я очень близко сошелся с Горьким, — писал Коцюбинский же 15 июля 1910 года, — виднись чуть ли не каждый день, — если и долго не знаю — и ведем бесконечные разговоры на литературные темы. Часто он читает свои новые произведения или рассказывает, какие планы у него на будущее работы, и я чувствую большую благодарность».

У Горького и Коцюбинского встречаются люди, написанные на один и тот же листок. Их может быть шесть: скажи о «Русских сказках» Горького и «Юни венци» Коцюбинского. В той и другой напи-

показан либерал-помещик, который укрывает крестьян жаб эпо-лодских. Когда же крестьяне повняли «банку» по-своему и захотели забыть у этого «сучиного» зелью, тогда немедленно послал губернатору телеграмму».

Горького и Коцюбинского соединяла любовь к угнетенному народу и ненависть к его врагам. Горький был для Коцюбинского огромным авторитетом. «Так хорошо чувствовать, что есть добро и светлая, великая душа, источник доброго и прекрасного, которому можно и открытым сердцем сказать: всего хороша», — писал Коцюбинский Горькому 11 марта 1911 года.

Смерть Коцюбинского потрясла Горького. «Прекрасный, редкий цветок отшел, — сказала душа погаса. Большого человека потеряла Украина, — долго и хорошо оно будет помнить его добрую работу», — так огласили на эту смерть Горький.

Дружба Горького и Коцюбинского, это проявление интернационального единения литературы, не могла быть по душе ни русским националистам, ни украинским националистам. Они всечасно старались опорочить Горького в глазах украинского народа и поспорить Коцюбинского с Горьким. Украинский националист Срибинский осмелился назвать Горького «защитником русской державности», а русский провинциал Амфилов — «смерд зуб на Горького за ставью во славу выморосов».

В наше время враги народа старались умалчать о дружбе Горького и Коцюбинского, пытались утуть их Горьким.

Но все попытки националистов и двойников опорочить светлую, творческую дружбу Горького с Коцюбинским остались тщетными. Горький был для Коцюбинского любимым другом и учителем, и взаимно отношения этих двух замечательных людей являлись символом дружбы великого русского народа с народом Украины.

АГИТАТОРЫ

Уголок Москвы, где расположен завод «Красный Богатырь», своеобразен и в облике своем и в своей истории. Еще не так давно здесь было заводское село Богородское, отделенное от Сокольников пугающей и грозной речушкой. Разрастаясь Москва поглотила село, вторглась многоэтажными светлыми домами в его горбатые, колесчатые улички, но местами лабиринты древних бревенчатых домишек остались нетронутыми. Стариков и старух здесь очень много и почти все они пенсионеры, проработавшие на «Богатыре» не одно десятилетие. Здесь можно встретить квартал, едва не сплошь заселенный родственниками или стариннейшими знакомыми, дедами которых, может быть, жили из одной деревни. Благодаря обособленности этого района здесь можно наблюдать даже местные оттенки выговора, сложившегося под влиянием деревенского откуда пришли первые жители Богородска.

Здесь есть семьи, где работавшие бывають и на спектаклях в Большом театре и в театрах в Политехническом музее, а в то же время какая-нибудь бабка или двоюродная тетка годами не показывалась на соседней улице.

Комсомолец-агитатор Петр Кукушкин, машинист мотовоза, сопровождавший домохозяйку в двух экскурсиях по Москве, спросил одну престарелую спутницу в вагоне метро: поехала, каталась ли она это в подземном поезде.

— Бабушка мой, — ответила старушка, — я и на электрическом трамвае сегодня первый раз поехала. Я последний раз ездила в Москву на конке. Той же, бывало, ничего, едет, но только уж на гору — слезить, под гору — опять слезить. Сын мой в ту пору в дворники в Москве нанимался...

На улице Горького экскурсанты простояли немало час, наблюдая передышкой трехэтажного дома. Дом со всеми своими жильцами медленно удалялся в глубину, освобождая место для нового дома. Осмотрели широкие своды новых мостов над Московской-рекой.

Возвратившись с экскурсии, агитатор Кукушкин рассказывает товарищам:

— Большая для меня наука была. Мы, товарищи, не подозреваем, что рядом с нами живет живая история, живут люди, переписанные все былые невзгоды на своей спине, живут потомственные москвички, которые не знают новой Москвы, не знают своей замечательной страны...

Агитатор приходит в дом, где нет никакой организации и в то же время необходимо всем, решительно всем домохозяйкам и старикам вовлечь в кружок. Нередко жильцы раздвинены старинными камириными табачными, какими-нибудь ссорями около примуса. Агитатор приходит, разговаривает с одним, с другим жильцом, спрашивает об их жизни, об их делах, об их работе и отдыхе. Помогает справиться то, что есть, с тем, что было прежде, и здесь одерживает первую победу: он внушает общее, объединяющее всех жильцов интерес.

Каковы эти интересы? Любовь к большинству классов, к единству народа, к единству Сталину. Патриотическая гордость за свою страну. Желание со всем достоинством выполнить свой почетный гражданский долг по выбору верховных органов власти. И вот создан кружок, изучает Конституцию РСФСР, «Положение о выборах», материалы о кандидате в депутаты Верховного Совета РСФСР от Сокольнического избирательного округа товарище Назаров. И «Красный богатырь» хорошо знают Романа Капитоновича Назарова — большевика, организатора стихановского движения на заводе, где еще недавно он возглавлял партийный комитет.

Десятки тысяч комсомольцев работают агитаторами на избирательных участках. На снимке: техник завода «Шарикоподшипник» комсомолец Галина Анисова проводит занятие с избирателями на тему о богатствах нашей страны.

В настоящее время тов. Назаров — секретарь Сокольнического района ВКП(б).

Жители Богатырского переулка собираются в комнате работницы Толкачевой. Стол накрыт скатертью, на полу постланы дорожки. Молодая встречает приходящих радушно, как званных гостей.

Сегодня тема — богатства нашей родины. Комсомолец-агитатор Мелинков извлекает из тачки географическую карту, сообщает некоторые цифры, факты.

Но вводный рассказ — только подвела. Агитатор должен быть готов встретиться с любым вопросом. Здесь, как нигде, тесно переплетаются политика и жизнь. Слушательница спрашивает:

— Ну, а почему зимой были перебои с углем? А, бывало, уголь продавался без всяких колебаний...

Агитатор подходит к окну и раздвигает занавески. За окном возвышается громадный-дом, заселенный рабочими. Жил ли раньше богородские резинщики в таких домах? Этот дом отпущен углем. Он снова говорит о заводах. Но, как расплава жаркая Россия, — пылится по сравнению с нашей социалистической промышленностью. Уголь, сгорая, расплавляет рушу в домиках Магнитогорска. Уголь двигает поезда по новым железным дорогам...

Комсомолец дополняет пожелая, уже оставшая завод работница Боронякца.

Она вспоминает: а годы гражданской войны не доставало угля. Завод останавливался... Работницы влезали спасать его. Они в лютые морозы влезали на салазках дрова со станции Белоамгенька...

— А теперь, — вспоминает Боронякца сообщенную Мелинковым цифру, — теперь за один год добыто 126 миллионов тонн угля!

Отмеченная цифра явдур становится близкой, родной, кажется, она согрета теплотой этих рук, некогда зыбших на студенком ветру...

На шести избирательных участках, а которых прикреплена парторганизация завода, работает 60 комсомольцев-агитаторов.

Много комсомольцев занято на участках распространения среди избирателей политической литературы, билетов в кинотеатры и на спектакли, подготовкой собраний, — да мало ли дела в эти горячие дни?

— Каждый день по уголкам Богородска раздается радиопередача. Она останавливается где-нибудь в тупике на зеленой площадке. Сбегают ребяташки, приходят бабушки, работницы отдыхавшей смены. Из машинки через радиопередатчик последуют ответы на вопросы избирателей. Топот гремит музыка. Юноши и девушки танцуют. Солнечные лучи сверкают на белых рубашках... С. Крушинский.

Черепашка комитета

Из цехов лист бумаги вернулся в комитет со следами машинного шума, замысловатых десятками рук, с торжественными размахами российских флагов. Список комсомольских гитаристов обошел все завод. Теперь секретарь комитета снова рассматривал каждую фамилию, проносясь вслух: «Фуденко, Вирник, Понизуа, Нестеровская, Княкин...» Перечисляя людей, секретарь комитета часто дела паузы, задумываясь, как бы вставить в уже все, что знал он об этих ребятах и девушках, и, удовлетворенно замечая: «Так, год же», — продолжая читать: «Мороз, Оберфельд, Набоков...»

Сто комсомольцев-гитаристов готовились к поездке на село. Все оповещены, всем роздано «Положение о выборах в Верховный Совет УССР», объявлено, когда и где будет инструментальный доклад Колхозники Гуровичин, Колонцини, Копылова, Мотыжина уже хорошо знали комсомольцев с завода «Большевик»: они были здесь и в прошлый выходной день и зимой, на лыжах, с бойками подшефной части Красной Армии. Их встречали радостно, затыкая улыбки по хатам и в столовых, говорили на политические темы. Беседы заканчивались, люди не хотели отпустить хороших, знающих ребят, уменьших только ответить на вопрос, помочь разобраться в непонятном.

Поездка эти были очень ответственными, посылать надо было подготовленных и проверенных людей, и комитет комсомола отбирал гитаристов очень тщательно и серьезно. Секретарь комитета Дмитрий Покрищенко посылает подготовке гитаристов-пропагандистов поездку на село целые дни. Он поодолу беседует с комсоморами цеха, спрашивает о каждом из назначенных гитаристов, интересуется, где они учатся, каковы их успехи, какие читают, умеют ли объяснять, как работают, сколько зарабатывают. Все это очень важно, и он, руководитель комсомольской организации, должен обязательно все это знать. Многие комсомольцы ему уже хорошо знакомы. Он встречается с ними в цехах, на собраниях, в Доме культуры, здесь, в комитете, но, не полагаясь на собственную память, секретарь подробно спрашивает о них у комсоморог и оставляет в списке свои тексты, о ком ему все известно, в том окончательно уверен.

В прошлый раз в числе гитаристов на село поехали несколько новичков: Тулик-ов, Савченко и другие. Молодые комсомольцы успешно справились с заданием комитета. Они организовали обсуждение решения Совнархоза УССР и ЦК КП(б) Украины ко всем колхозникам, бригадиром, агрономом и большинством председателей сельскохозястных работ, вполне грамотно отвечали на вопросы, а когда было не спаяно, записывали и обещали обзвонить в следующий приезд.

О каждом из них рассказывают комсоморги секретарию комитета после поездки, и он записывает себе в блокнот, отмечает новых гитаристов, вновь назначенных, проверяет, подготовлен. Но это еще не вся работа. Надо организовать транспорт, питание. Хлопотное дело, отнимающее много времени, но секретарь комитета считает, что знает на себе, зная, какое огромное значение имеет такая организация всей техники, всех мелочей. Он идет в парток, к директору завода, договаривается с начальником гаража.

— Что ты меня успокаиваешь, — кричит он в телефонную трубку, — тогда тоже го-

ворит, что все будет в порядке, а один шофер отказался развозить ребят по домам, пришлось им по несколько километров пешком тащиться!

И он не успокаивается до тех пор, пока не убеждается, что выезд гитаристов на село не будет сорван.

* * *

Покрищенко отправляется по цехам. В чуточкулегком он отыскивает формирования — комсомольца Бородавко.

— Ну как? спрашивает его Покрищенко. — Как норма?

— Сто сорок, — весело отвечает формирование. — А нынче думаю и все полгострада дать.

— Почему все? Я ведь только-только стал первокурсник. Подожди маюсть, секретарь, скоро двести будет.

— И я подожду, а потом опять приду, гляди!

Бородавко долго не выполнял норму, жаловался на плохую загрузку, на вынужденный простой. Покрищенко несколько раз беседовал с начальником цеха, с мастером прелета. К Бородавко стали относиться внимательнее, лучше загружали работой. Он оказался способным формировщиком, работал хорошо и быстро.

В механосборочном цехе к секретарию комитета подходит молодой револьверщик Черняк.

— Товарищ Покрищенко, я вам покажоваться хочу, — говорит он капризным голосом, — не нравится мне эта работа, пусть смеяют, похолодеют, а?

Револьверщику Черному принимали в комсомол в один день с Верой Вишковской. Обе одноклассницы, пришли на завод почти одновременно, а разница между ними большая. Вишковская, скромная, трудолюбивая девушка, прекрасно показала себя в соревновании со своей сменившей и не раз обогнала ее, давая по 200—300% нормы. О Черной же комсоморг механосборочного цеха Гончаренко давал не очень лестный отзыв: систематически не выполняет норму, много блатает, часто отлучается от станка, всегда морочит изюбкой трудовой работы. Ей сдавали тогда на комитете вышнее, она обещала исправиться. В комсомол ее приняли, а в тех пор прошло больше двух месяцев. Покрищенко забыл проследить, исправилась ли Черная.

— Полохоните, товарищ Покрищенко, — настаивает револьверщик. — Дядю, поговорю с мастером.

Он разныкает мастера, просит его дать револьверщика Черной другую работу.

Формировщик Бородавко было действительно помочь, ибо он был прав в своих требованиях. Но револьверщика Черная претендовала на легкую работу, она не имела никакого права рассчитывать на помощь руководителя комсомольской организации, и на этот раз секретарию комитета вместо ходатайства перед администрацией цеха пришлось объяснить молодого комсомольке вредность ее настроений, доказать, что она неправна в своих претензиях, нужно было вызвать ее в комитет и обоснованно объяснить, почему она не может, конечно, вступить, как должен комсомол относиться к производственным заданиям.

Но Дмитрию Покрищенко еще очень трудно находить всегда самому правильное решение, наиболее разумный ответ на возникающие перед ним вопросы. Он пришел впервые на руководящую комсомольскую работу всего лишь несколько месяцев

назад. Покрищенко работал на заводе «Большевик» шофером, занимался в школе пилотов и успешно закончил ее, получив звание инструктора летного дела. Он мечтал стать летчиком, обучать других этой увлекательной профессии, но неожиданно его избрали в состав комсомольского комитета и доверили ему руководство одной из крупнейших в Киеве заводских комсомольских организаций.

Нелегко было расставаться с мечтой, которую он так долго делал, но Дмитрий Покрищенко прошел службу школу летчика, умел справиться с трудом рабочей «Что же, — решил он, — поработаю комсомол, воспитаю подходящую школу, а потом все-таки улечу в авиацию».

Вместе с Покрищенко в комитет были избраны электрик Пихур, бригадир чулочного цеха Курганов, технолог Лассес, заведующий детскими Зензицкая, комсоморги Сердюк, Гончаренко, Глебович. Ребята делные, растущие, активные. Но работали они не все с одинаковой нагрузкой, и многие вопросы молодому секретарию комитета приходилось решать самому.

* * *

Пихуру комитет доверял организации военной работы. Курганов должен заниматься общежитиями, как живет много молодежи с «Большевика». Но Пихур и Курганов учатся в вечерней школе мастеров и, ссылаясь на учебу, относятся к порученной работе очень плохо. Покрищенко пытается делать за них, но в силу не успевает, до конца не добравшись, и многие участки порежему остаются без комсомольского влияния.

Дуся Зензицкая всегда жалуетца на большую загруженность в детских яслях. Работа у нее действительно яслявская. Но комсомольская организация оказалась ей большое доверие, избран в состав комитета. Как же она оправдывает это доверие?

Зензицкая, например, лучше чем кому-либо известно о комсомолках-матерях, отшедших от комсомольской работы из-за детей. Зензицкая знает нескольких комсомолок, которых быстрая жизнь, знает, что эти девушки тяжело, что они стесняются зайти в комитет попросить помощи, посетовать. Член комитета Зензицкая никогда не задаривала о судьбе комсомолок-матерей на комитете, ни разу не поставила о них вопрос, не потребовала от комсомольской организации внимательнее и участливее относиться к быту молодежи.

Так же в стороне от быта молодежи, от ее запросов, от ее интересов стоит и член комитета Курганов.

Покрищенко не сумел заставить работать всех членов комитета. Он мучится тем, что ребята сваливают большую часть работы на него одного, и прощает им их бездействие. «Борис и Порфирин участвую — думает, дуся мучит. Дуся мучит, но деловому саду, дядю, не буду трогать их, какнибудь сам». И продолжает браться за все, пытается заменить собой весь комитет...

В структуре, составе комитета Пихур и Курганов относятся к комсомолу так же потребительски, вгонично, как револьверщик Черняк. Комсомольская организация воспитала их, выдала им работу, но не деловому саду, дядю, не буду трогать их, какнибудь сам. И продолжает браться за все, пытается заменить собой весь комитет...

Дальневосточные стихи

Отпускники

Вот и отслужил, отдужил
Долгосрочные отпускники.
Вещи немудреные сложил
В пахнущие домом сумдушки.

Сразу стало холодно и скучно —
Собираюсь в дальний перелом.
Обошли орудья и конионы,
Вышли на осенний погон,

Выслушали в клубе речь майора:
Надо быть готовыми всегда.
Литер получили. Значит, скоро
Заспеют на запад поезда.

Только на прощанье завернули
В ближайшее дерево два бойца,
Девушкам случайно подмигнули —
Девушки оглядываются.

А потом на небо посмотрели —
Синева прозрачна и чиста.
Лебеди с Камчатки пролетели —
Полвились, какая красота!

Покурили оба, помолчали,
И подумал каждый о своем:
Так теперь нас домой вначале,
А теперь, пожалуй, здесь наш дом.

К председателю зашли, спросили:
Как живете, как идут дела?
Говорили нам, что в новой снзе
Крепкая нужда у вас была.

Может, скоро выйдет нас сражаться —
Надо быть все время начеку.
Говорили нам, что в новой снзе
Жить поближе к своему полку...

Соль

Звенят над ухом комары
Про зной, про зной и зной.
Взяв молотки и топоры,
Уходим мы тайгой.

Мы снова саломею съедем,
Полн, в четвертый раз,
Мы все-таки ее найдем,
Ей не уйти от нас!
Товарищ бригадир, докоп
В болотах наш изти?

Мы ищем соль, мы ищем соль,
Мы соль должны найти!

По рекам движется кета,
В морях лосось пошел.
Без нас не выйдут ни черта,
Сорвется весь завод.
И соли пух готов бы съесть,
Но только где она?

Я знаю: соль здесь где-то есть
И нашей быте дожна!
В район Сибиряева позволю
Мне свою отряд вести.

Мы ищем соль, мы ищем соль,
Мы соль должны найти!
У черных скал я соль искал
И золото нашел.
В глухой тайге, где узкие,
Я платину нашел.

Я спать почти что перестал,
А ел и усну,
Мне снится соляной кристалл
Четвертую весну.
Мы таким старую буссоль,
И инвентарь, и лом.

Мы ищем соль, мы ищем соль,
И мы ее найдем!

Полный вперед!

А случай был у нас и такой,
Сказал товарищ устало:
Шхуна «Геннадий Невельский»
В осенний тайфун пошла.
Радист стучал соседям судам
Тошки, тире и тошки.
По палубе скользящей туда и сюда
Катались безумные бочки.
А чертова радио тихо свистит
Сквозь грохот соленой выюги:

«Парход «Синмару» вас может спасти,
Предлагает свои услуги».

Капитан говорит: «Беда. Хоть плачь!
Тайфун разыгрался лютой.
Придется вылазить нам влскач
Японцам знойкой вайлоты».

А мы говорим: «Не валюту, а честь
Мы бережем беззаветно.
Мы все же сумеем тайфун перенести...»
А мачты ломает, как ветви.

До смерти осталось нам четверть пуги,
И слышно по всей округе:

«Парход «Синмару» вас может спасти,
Предлагает свои услуги».

Приглатывают черные крысы везде,
Киль погружается удары.
Уже по колено в холодной воде
В машинном стоит коцегары.
И мы объявляем последний аврал,
Снимаем промокшие рубы,
Даем на прощанье тревожный сигнал
И губы кусаем от злобы.
На сумное дно нам придется идти
И нас не дожидается полуты.

«Парход «Синмару» вас может спасти,
Предлагает свои услуги».

Капитан командует: «Полный вперед!
Борись, кто в победу верит!»
«Медленно рухнет несобод,
В бинокль меряет берег».

тывать молодежь. Слов нет, трудноэто совмещать общественную работу с учебной. Но ребята отлынивают, увиливают от работы, вместо того чтобы преодолеть трудности.

И вот тут нужен умный, тактичный руководитель организации, умеющий дать отпор нездоровым настроениям и привлечь всех членов организации к работе по коммунистическому воспитанию молодежи. Но Покрищенко трудно это сделать: сам он политически и культурно еще не достаточно развит, ему очень мало помогает и райком комсомола и партийный комитет завода. Красная и смущаясь, секретарь комитета признает, что за последние месяцы ему не удалось прочесть почти ни одной книги, и что времени как вступивший, например, месяц два назад в комсомол слесарь ремонтной бригады Виталий Возный читает произведения Ленина и Сталина, прочел «Из Восточного Даваленко», «Ефрейтор Толстокоп», книги о Чапаеве, о Щорсе, берет литературу по саесарному делу... А он, секретарь комитета, член райкома и обкома комсомола и партийного комитета, не имея ни времени, ни возможности заниматься с молодежью на заводах или на заседаниях и никогда почитать, позаниматься...

В отчете ЦК ВЛКСМ на письмо комсомольского завода имени Серго Орджоникидзе тов. Комарова, между прочим, говорится:

«...Если Вы будете только своими собственными силами выполнять все эти задачи, будете работать один, то наверняка потеряете неуверенно. Комсомол является организацией с моделью сильнейшей, организованной самовоспитания. Нужно вести работу силами самой молодежи, вместе с нею, а не за нею. Работать вместе комсомольцев, подменять их — значит тормозит коммунистическое воспитание молодежи. Сами работайте больше и привлекайте комсомольцев и несознательную молодежь к активному участию в общественной жизни».

«...Для того чтобы учить молодежь, нужно самому учиться. Невежда никогда не сможет пользоваться уважением и авторитетом среди молодежи, какой бы высокой пост он ни занимал в комсомольском аппарате».

«...Партия большевиков, товарищ Сталин учит нас, что изучение революционной теории — это святая обязанность комсомольца. Без этого нельзя стать настоящим коммунистом, немалую роль в руководителе воспитанием молодежи».

«...Перед каждым членом ВЛКСМ открыта широкая дорога для выдвижения. Многие рядовые комсомольцы могут стать и секретарями райкомов, и руководящими работниками обкомов, крайкомов, и членами ЦК, если они честны и преданы партии Ленина—Сталина, своему народу, если они будут учиться, стараться работать и не будут бояться трудностей».

Дмитрий Покрищенко — один из многих таких молодых активистов, выдвинутых на руководящую работу. Он поступает в помощь, в чутком и заботливом отношении со стороны районного комитета комсомола и заводского парткома.

Мы обязаны окружить новый актив — партийный, хозяйственный, комсомольский — вниманием и поддержкой, помочь молодым активистам овладеть большевизмом, делиться с ними своим практическим опытом работы, указывать на их ошибки, поправлять их. Мы должны растить преданных большевистской партии, крепких, грамотных, инициативных руководителей, общественных деятелей ленинско-сталинского типа, способных вести за собой массы, способных воспитывать настоящих бойцов за социализм.

Вис.

УСТРОИТЕ ЕГО

«Постройка этого ледокола является делом весьма почетным. Ледокол будет являться флагманом нашего арктического флота. Ледокол будет носить самое дорогое для нас имя — «И. Сталин». Горжусь за всех Вас, дорогие товарищи, что именно Вам выпало счастье строить ледокол «И. Сталин».

(Из приветствия тов. А. Косырева командующим эскадрой Северного Ордоникса, вылетавшего в заводской гавани 16 февраля 1938 года.)

КОМСОМОЛ...

Когда два года тому назад в Москве шли заседания X съезда комсомола, на столе президиума стояла булавка модель ледокольного корабля. На ее черном борту рельефными золотыми буквами латинским и русским шрифтом было написано имя вождя всего трудового человечества: И. Сталин. Эти буквы правительство решило назвать самым мощным и самым совершенным в мире ледокол.

Корабль тогда еще не был. В ленинградской гавани, на стапелях Балтийского завода имени Серго Ордоникса, только начинали вырисовываться контуры будущего корпуса судна. Бригада комсомольца Минина устанавливала шпалоты и фалы... И вот ленинградская делегация привезла в подарок съезду модель будущего корабля. Комсомольцы завода начали строить его весь, от начала до конца, своими руками. Это было очень серьезное и ответственное решение. Таких ледоколов никогда еще не строили, но только комсомольцы Советского Союза, и даже прославленные мастера Англии.

Нужно было добиться согласия директора, главного инженера, нужно было преодолеть сопротивление скептиков. Заводская газета «Батиска» каждый день печатала статьи, требуя передачи стройки ледокола комсомолу.

— В ноябре 1935 года комсомольцы приступили к выполнению почетного и ответственного задания.

УЧИЛИСЬ И СТРОИЛИ

В ноябре, как известно, в Ленинграде туманы и дожди. Над стапелями нет крыши. Дождь, град, снег — нужно работать. Эти природные трудности никого не смущали: их предвидели заранее. Но вместе с дождем появились и другие неприятности. Высылоло, например, что не хватает людей. Вообщем на заводе людей много, а для ледокола не хватает. Нет калельщиков, слесарей, сварщиков, сверловщиков. Позвали из цехов комсомольцев, молодежь, но ведь не одни же корабли строят на заводе, ведь молодежь на ледокол нельзя забрать.

Тогда комитет комсомола решил посоветоваться с руководителем ленинградских большевиков тов. Ждановым. — Надо учить, — сказал тов. Жданов. — Судостроением ленинградцы не рождаются, а сто комсомольцев ленинградская организация может для такого важного дела мобилизовать...

И вот на стройку ледокола пришли парикмахеры и пекари, чернорабочие и грузчики, портные и ткачи. Только несколько

человек были специалистами и до постройки ледокола работали на Балтийском заводе. Коля Сергеев, Вася Сорокин, Леша Ишанов принялись учить новичков.

Это не было учебой в обычном смысле слова. Коля Сергеев был мастером. Он отвечал за выполнение производственной программы на своем участке, он отвечал за качество работы, он отвечал, наконец, за каждого из своих учеников-рабочих. Он должен был учить и в то же время вести вперед силами своих учеников все работы. Он видел опасность, как два зловредных парня ходили вокруг гайки, завертели ее длинным ключом-рычагом с самого начала работы, когда гайку можно было еще провернуть голыми руками. Делали они так по незнанию. В другой раз мастер Сергеев видел этих двух ребят, пытавшихся поднять огромный железный лист. Они еще не умели определить на глаз вес металла и соразмерить свои силы с необходимым напряжением... Мастер Сергеев отдавал распоряжения идти на работу, а через некоторое время приходил своих рабочих, в ушах у которых поспредне корпус: новички не могли отягчить нос от коры.

Но вот приходишь вечер, они шли в школу, мастер Сергеев хорошо освоился на заводе. Он рассказывал, что такое шпалоты, как читать чертежи, как затачивать и закаливать зубило на разные стелта. На следующий день в обеденный перерыв он гонял своих учеников по кораблю, спрашивая о каждой мелочи, проверяя, как они усвоили вчерашний урок. И так же, как Коля Сергеев, все мастера и все бригадиры на ледоколе были одновременно учителями и оперативными производственниками. И сами они учились: у главного строителя Каганова, у старших опытных мастеров Махана и Андреяича Барускуа, Александра Александровича Воинова...

Прошло несколько месяцев, и былые пекари и портные хорошо освоились на судне. Они стали стахановцами, а кой-кого даже называли бригадирами...

Когда Коля Ремизов, бывший слесарь завода имени Каменного, впервые пришел на судне, он запутался среди крапов, лебедок, тросов и кабелей, называвшихся под ногами. Ледяной, провизжающий ветер, снег, стравный шум железа, пудовистая пыль пневматических зубил, зеленые огоньки сварочных аппаратов — все это обвало с толку, пугало... Прошло несколько месяцев, Коля Ремизов назначили бригадиром ледокольных стахановцев. Ему поручили поставить шахтные угольщики и дали норму в 88 часов. Мастера сразу заметили, что он путает. После разметки нужно посылать угольщика

для сварки в цех, а он вымал сварщиков на корабль. И собирать угольщики он стал тут же, на корабле. Мастера решили не вмешиваться и подождали. Ждать пришлось недолго. Вместо 88 часов бригада Ремизова собрала и поставила угольщика в 19 часов: почти в пять раз быстрее, чем предполагали нормировщики и технологи.

Евробей, Поляков, Нина Журавлева, Шитов, Синица — десятки комсомольцев стали стахановцами-двухсотниками. Это значило, что каждый день систематически они выполняли норму не меньше чем на 200%. Все они теперь квалифицированные рабочие, а так как большинство из них учится в вечерних техникумах и вузах, то пройдет еще несколько лет, и они будут мастерами, техниками, инженерами...

«БУДИ, ПОДЪЯЗЫВНИК!»

На строительстве корабля нет единого, цельного коллектива: это не цех, не бригада. На стапелях работает одновременно много бригад из многих цехов. Они смеются друг друга: сперва работает больше металлчишки, сверловщики, чеканщики; потом приходят механики, судостроители, монтажники; за ними появляются бригады маляров, столяров-краснодеревщиков... Так, постепенно, на строительстве ледокола побывали рабочие всех цехов завода.

Ледокол «И. Сталин» строил весь комсомольский коллектив завода. Почти каждый комсомолец завода в то или иное время был строителем ледокола. И не только в те месяцы или недели, когда работали на стапелях, но и в механическом цехе, обслуживавшем валы для машин, и в конструкторском бюро, вычерпывающая деталь ледокола. Все комсомольцы завода знали: к работам по ледоколу особое, повышенное внимание; за строительство ледокола отвечает комсомольская организация.

В каждом цехе, в каждом отделе были организованы ледокольные контрольные посты. Они вели добровольную диспетчерскую работу, следя за тем, чтобы не нарушался график прохождения деталей, чтобы качество деталей было высоким. Они выявляли недоработки и, как только появлялись, каки-либо задержки, тотчас поднимали на ноги всю общественность: сообщали в комитет комсомола, в парторг, администрацию, писали в газету, в бюллетень, выпускали «монологи».

На строительстве ледокола ежедневно выпускалась стенная газета «Сталин», а в комитете комсомола, где был как бы центральный общественный штаб строительства, выходила каждую пятницу газета

ческий бюллетень. Сперва он назывался «Подзатыльник», потом его переименовали в «Бал Знакомые все лица!» И, наконец, в тревожных случаях всегда нужно было срочное оперативное вмешательство, выпускались «молинии» — листовки со злыми карикатурами. Иногда такие «молинии» появлялись по нескольку раз в день. Они провозглашали быстрый и нужный эффект. Вот, например, Мастер Морозов из цеха № 26 дал ошибочное распоряжение. Через полчаса была вывешена «молиния» из бюро № 54—56, 66—68 шлангов от колодезной выработки приварены обуха для крепления лопастей гребного вала и большой отлопачки. Место здесь занято, но слесари цеха № 26 подготовляют тут выработку труб. Работу придется передавать».

Мастер Морозов прочитал «молинию», немного обиделся и даже начал ругаться, но очень скоро, поняв свою ошибку, исправил ее.

«Обиженьких» комсомольской печатью было очень много. Самокритика, и очень зубастая, деловая, оперативная самокритика, была по-настоящему развита на строительстве. Чуть ли не все строители были «обидчаными» и «обиженькими». Сегодня пишет Мирюков, завтра, если он обидится, напишут про него. Напишут весело, а пока, карикатуры нарисуют и стих сочинят:

Мастер автогенщиков ледокола Мирнов
лишь в 9 часов расстался по работам
свою бригаду.

Гудок призывает: Мирновок!
Где сварщик? Нет резакв и баллонов...
«Ах славно ж! По утру на теплой

подушке...»
Буди, «Подзатыльник», проспавших из
лушки!
Снайпер Забрустеровый!

Взгляните на эти карикатуры из «Бал Знакомые все лица!» Право, не кажется ли изображенным так еще раз, не кажется ли старается скорей исправить свою ошибку...

НА ДЕТАЛЯХ НАПИСАНО «Л. С.»

На таком большом и хорошем корабле, как «И. Сталин», тысячи разнообразнейших механизмов, аппаратов, деталей: электронные приборы, аппараты для сигнализации, радиопередатчики, рефрижераторы, компрессоры, насосы... Перечислить все невозможно. Разумеется, все это делает не один завод: вся страна участвует в строительстве ледокола. Случается, что заводы не выполняют своих обязательств вовремя.

Иногда по серьезным причинам, а чаще просто по халатности.

Когда поставщики стали задерживать строительство ледокола, комсомольский комитет завдал имени Серго Орджоникидзе послал письма в Харьков, Москву, Николаев, Ярославль — комсомольцам заводов-поставщиков:

«Дорогие товарищи! Мы обращаемся к вам с просьбой. Вы прекрасно понимаете, что если вы не пришлете нам вовремя заказанные механизмы, ледокол не удастся сдать к навигации. Чтобы он ушел в Арктику, нужны все детали. Возьмите шестью над нашими заказами...»

Скоро строителя ледокола стали получать детали с буквами, написанными стриком: «Л. С.» — «Ледокол Сталин». Так отвечали на письма комсомольцы заводов-поставщиков.

Впрочем, не все заводы откликнулись сразу. Комсомольский комитет московского завода «Борец» не обратил внимания на письмо строителей ледокола. На второе их письмо с «Борца» также не ответили. А наоске, которые изготовляет «Борец», были очень нужны строителям. Тогда они написали в Главное управление Северного морского пути и попросили послать на «Борца» сектора. Пусть он расскажет комсомольцам завода «Борец» какую большую работу нужно проделать в Арктике в навигацию 1938 года и что произойдет, если флагманский корабль не будет к этому времени готов. Лекцию на заводе «Борец» выслушали с большим вниманием. И вскоре в Ленинград прибыли насосы с красными буквами «Л. С.».

ПАПАНИН ГОРОПИТ

А сколько летчик об Арктике прослушали сами комсомольцы — строители ледокола! К ним приезжали и проводили беседа Герон Советского Союза Папанин, Креклев, Шидт... Они — терпеливы строители. Арктике нужны сверхмощные ледоколы. Они станут во главе торговых флотилий, и Великий Северный морской путь во много раз увеличит товарооборот. А какие огромные возможности для научной работы открываются с появлением этих прекрасных оборудованных и удобных кораблей! Скорее, товарищи комсомольцы! Лучшие строители вы возьмете собой в первую рейс ледокола!

Во всем мире нет такого совершенного и мощного ледокола, как «И. Сталин». Его водоизмещение — 11 тысяч тонн, мощность его машин — 10 тысяч лошадиных сил. Прочность его двойных бортов, по-

«Молинии», выпускавшиеся комсомольцами завода, были по непонятной и неустойчивой остроты карикатуры.

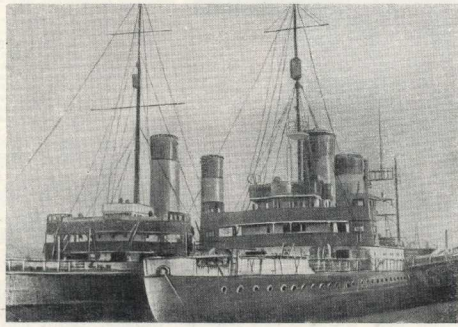
строены из специальной стали, такова, что никакие льды не могут раздавить судно. Ледокол оборудован всеми новейшими приборами для кораблевождения. Автоматический радиопеленгатор дает возможность в любую погоду и в любое время года определить местонахождение судна; коротковолновый передатчик связывает его с Москвой, Ленинградом, с любыми крупными городами мира и с полярными станциями; все управление корабля механизировано. Капитан будет отдавать телеграфные распоряжения во все части огромного судна.

Ледокол построен так, чтобы на нем хорошо работало и удобно жилось всем — от научных работников до кокочеров. Тут и кухня, оборудованная электронсоробками, и маленький хлебозавод, рефрижератор для хранения продовольствия, механическая прачечная, баня с душами и ваннами, лазарет... В часы отдыха команды можно развлекаться, отдохнуть, почитать. На корабле будет звуковое кино, библиотека и читальня, концертное помещение с роялем и набором струнных инструментов.

Во всем этом комфорте видна сталинская забота о человеке. В суровых условиях Арктики после тяжелой работы каждый член коллектива, независимо от своей должности, будет чувствовать себя на корабле как в родном городе.

Скоро ледокол будет принят Государственным регистром, а потом ледовый капитан Владимир Иванович Воронин поднимется на капитанский мостик и отдаст приказ: «Полныя вперед!»

Фото И. Юнгана.

Флагман арктического флота И. Сталин. Сзади ледокол «Ермак».

Памятное Делать

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

(90 лет со дня смерти)

«Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская наша то же создала революционный класс, то же доказала, что она способна к величайшему великому образцу борьбы за свободу и за социализм», — писал Ленин в статье «О национальностей гордости великороссов» (т. XVIII, стр. 81). Одним из величайших гениев русской культуры, пламенным борцом за освобождение русско-

тереса, вроде драмы в двух действиях неугол Иполита Александрова «Юва за гробом». Неисчерпаемое напряжение нужно было Белинскому для того, чтобы поглотить три анкетературного ремесленничества и создать гениальные критические работы, составившие эпоху в русской литературе. Много сил стоило Белинскому борьба с царской цензурой, уродовавшей его статьи до неузнаваемости. Знорове Белинского было подорвано материальными лишениями, непосильным трудом и невыносимой обстановкой николаевской цензуры. Он заболел чахоткой и скончался 9 июня 1848 г. До последних дней своей жизни он не прекращал работы. «Он, так сказать, умирая, писал последние свои статьи», — вспоминал о нем И. А. Гончаров.

В серии статей «Сочинения Александра Пушкина» Белинский дал критическую историю русской литературы от Ломоносова до Пушкина. Его анализ творчества великого русского поэта не превзойден по своему блеску и глубине. Не было сколько-нибудь примечательного явления в русской литературе того времени, которое не нашло бы у Белинского страстной, глубоко принципиальной оценки. Задачами были по богатству мыслей и литературному мастерству статьи Белинского о Гоголе, Лермонтове, Кольцовском его годовые обзоры русской литературы.

Белинский по своим взглядам был революционным демократом. Он выражал, по словам Ленина, интерес «самых широких масс населения в борьбе за элементарнейшее право народа, нарушаемые христианскими учреждениями» (т. XIV, стр. 219). Ленин назвал Белинского наряду с Гершенем и Чернышевским предшественником русской социал-демократии. Непримириемость и беспощадность к врагам свободы, к реакционерам и их союзникам была характерной чертой Белинского. Он не щадил и своих колеблющихся друзей. Когда Гоголь выпустил книгу «Выбранные места из переписки с друзьями», в которой защищал самодержавие и крепостное право, Белинский обратился к нему с гневным письмом: «Провождя его, допущено неизвестно, поборник обскурантизма и мракобесия, пантеист татарских ирравян — что ты делаешь! Введи себе под ноги, — ведь вы стоите над бездною...»

В знаменитом «Письме к Гоголю» Белинский ясно и отчетливо высказал свои политические взгляды, которые он в литературно-критических статьях не мог продрать только в зашифрованной форме. «Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отмена телесного наказания, введение по возможности строгого выполнения тех же законов, которые уже есть».

Имя Белинского дорого советскому народу, как дороги ему имена всех великих деятелей литературы, искусства, науки, прославивших русскую культуру. Советский народ никогда не забудет пламенного борца против реакционной самодержавности — Виссариона Григорьевича Белинского.

К. А. ТИМИРЯЗЕВ

(95 лет со дня рождения)

Исследования великого русского ученого Клементия Аркадьевича Тимирязева в области физиологии растений имеют огромное значение не только для ботаники, но и для всей биологии в целом. Тимирязев доказал, что зеленое вещество листьев (хлорофил) под действием солнечного света разлагает атмосферную углекислоту на углерод и кислород. Кислород освобождается и возвращается в атмосферу, а углерод соединяется с водой и образует углеводы, которые являются необходимыми питательными веществами как для животных, так и для растений. Разлагают углекислоту, растения дают кислород, необходимый для дыхания животных. Углерод животного происхождения соединяется с углеродом растений, так как великий круговорот веществ, поддерживающий жизнь в природе. Первоисточником этого круговорота и, следовательно, жизни на земле является солнце.

За разработку и популяризацию этой научной теории повестила всю свою сознательную жизнь Тимирязев. Он родился 3 июня 1843 года. Окончив университет,

его громадными заслугами перед русской наукой.

Тимирязев и его прогресс, Тимирязев не мог примириться с империалистической войной, вернувшей человечество к варварству. В 1917 году Тимирязев был одним из немногих буржуазных интеллигентов, присутствовавших на съезде революционеров и отдавших свои силы и знания на строительство социализма. В 1920 году рабочие-наемники и помещики Курской железной дороги избили его депутата Московского совета. 28 января 1920 года, в день своей смерти, Тимирязев сказал окружающим его близким людям: «Передайте Владимиру Ильичу мое восхищение его гениальным решением мировых вопросов в теории и на деле. Я считаю за счастье быть его современником и свидетелем его славы деятельности. Я преклоняюсь перед ним и хочу, чтобы об этом все знали. Передайте всем товарищам мой искренний привет и пожелания дальнейшей успешной работы для счастья человечества».

Огромную заслугу Тимирязева в деле пропаганды дарвинизма в России и защиты его от нападок реакционных профессоров — дарковских чиновников, от науки, — запоявших революционные, «императорские» университеты. Работы Тимирязева в России принесли огромные учебные пособия в советских вузах. Тимирязев был исключительным популяризатором. Его книга «Жизнь растений» — выдающаяся в общедоступной форме курс физиологии растений, имела огромный успех и выдержала несколько изданий. Она и сейчас является увлекательным чтением, способным вызвать интерес к ботанике и биологии в целом, что возмещает ее в гущи. Огромный интерес представляет сборник статей Тимирязева «Наука и демократия».

Ленин в 1920 году писал К. А. Тимирязеву об этой книге:

«Дорогой Клементий Аркадьевич!»

Большое спасибо Вам за Вашу книгу и добрые слова. Я был прямо в восторге, читая Вашу книгу. Она оказалась крепко, крепко юму Вашу руку и от всех души желаю Вам здоровья, здоровья, здоровья!» (т. XXIX, стр. 437).

Тимирязев никогда не был кабинетным ученым, оторванным от действительности. Он горячо интересовался проблемами достижений естественных наук в земледелии. Разумеется, революционные, новые деревни не могли существовать в такие времена, как колхозных людей.

Вышла Петровская сельскохозяйственная академия в Москве и встала о замечательности ее в наше время. В нее ушел десятки лучших специалистов сельского хозяйства, встала на университет как «кормильница», не считавшись ни с его мировой славой, ни с

В. Г. Белинский (1811—1848).

го народа от гнета крепостничества и самодержавия был Виссарион Григорьевич Белинский.

Великий русский критик родился в Сасборге, в Финляндии, в семье фотографа.

Свое детство он провел в уездном городе Чебарове и в Пензе, где он окончил гимназию.

В 1829 году он поступил в Московский университет, но был исключен оттуда в 1832 году «за свободу взором» и в этом году ограниченности способностей, а на самом деле за свою юношескую драму «Дмитрий Калинин», направленную против крепостного права. С этого времени и до конца своих дней он невидом отдался анкетературной работе. До 1838 года Белинский был сотрудником журналов «Телеграф», «Молва», «Московский наблюдатель» (в 1834 году в «Молве» появилась его статья «Литературные мечтания», сразу сделавшая его известным). В 1839 году Белинский переехал в Петербург и стал работать в журнале «Отечественные записки», а с 1846 года — «Современник» — журнале, основанном Пушкиным и редактировавшемся после смерти Белинского Некрасовым.

Труд журналиста в то время оплачивался очень скудно. Чтобы заработать на жизнь, Белинскому приходилось писать огромное количество рецензий на произведения, не представлявшие заштатную никакого ни

К. А. Тимирязев (1843—1920).

Тимирязев стал в 1871 году профессором Петровской сельскохозяйственной академии в Москве, а в 1877 года — профессором Московского университета.

Его замечательный педагогический талант, передовые научные и политические взгляды и интерес к вопросам молодежи завоевали ему огромное уважение и любовь студентов. В 1901 году Тимирязев, имевший уже мировую славу, получил вызов от министра просвещения за то что отказался «успокоить» студентов, участвовавших в «университетских беспорядках». Оскорбленный этим вызовом, Тимирязев решил покинуть кафедру. Профессора университета упорно отказались от этого намерения. Но через десять лет, в 1911 году, министр просвещения Кассо уволил Тимирязева на университет как «кормильщика», не считавшись ни с его мировой славой, ни с

покойная жизнь

Начальник цеха Василий Матвеевич вызвал к себе в контору несколько молодых формовщиков. Едва только рабочие собрались, он без лишних разговоров прямо приступил к делу:

— Так вот, товарищи, нам предстоит освоить формушку нового шильдера для насоса. Работа, предпринятая, сложная. Во втором пролете формовщики ее не поднимали. Кому вручать чертежи?

— Может быть, тебе, Гребешков? — Костя отрицательно покачал головой. Обясняя его самоуверенность очулся слышала.

— Раз во втором пролете ее осмелил — значит, браку с ним, Василий Матвеевич, не оберешься... И с расценками неизвестно — разумново промисс Костя. — Нет, уж я лучше на поршнях поработам.

Тут раздался голос: — Конечно, совестно шестому разряду вперед сельского шагата, но все-таки разрешение нам чертежи на пробу, Василий Матвеевич.

При этом говоривший протолкался вперед к столу и решительно потянулся за свертком бумаг.

Это был приятель Кости, Борис Барбарисов, шутник и непререкаемый устроитель всяких конкурсов самостоятельности в обшественных переделах. Его несущущатое бесшесое лицо почти всегда светилось веселым. Фамилию Бориса в цехе переиначили, привели в большее соответствие с внешностью ее владельца. Бориса шуточно величали «Белобрысов».

Кевысокый тшедушный и, казалось, легкомысленный паренек, однако, показывал удивительную усердность в любом деле, за которое брался. Барбарисовича нечто чего-то доискивался, чем-то был увлечен, что-то изучал, что-то изобретал...

— Книжтуй пареня! — сказал о нем как-то мастер Самошкин. Бориса хорошо знали в цехе, и поэтому, когда он, формовщик шестого разряда, потянулся за сложными чертежами, начальник цеха спокойно вручил их ему.

Первые дни не принесли ничего успешного: работа у Барбарисова явно не давалась.

Первая отливка шильдера совершенно не удалась. Край изваек на злеки какого-то стального уродца, со сложнейшими опухолями на металлическом теле, с хлывными перекосившимися стенками. Мертворожденный шильдер был тотчас же отправлен в шехту.

— Ну, как? — спросил мастер пролета у Барбарисова через несколько дней. — Да все брак идет... Ничае не могу совладать, — ответил, потупясь, формовщик.

Но Барбарисов не палал духом. Он не усталл бегать в лабораторию, и соседний пролет и даже, говорят, нанес деловой визит главному инженеру завода.

В день получения приятель встретилсь у окошка кассера Костя, как обычно, получил много денег, вознагражденный за работу рабочего, перевыполняющего план. У Бориса были вычтены за брак, допущенный при освоении новой детали.

— Может быть, тебе грошей одолжить? — снисходительно улыбался, спросил Гребешков. — Так ты говори, не стесняйся. Эх ты, рационализатор! — Костя произнес это слово почти как ругательство.

Через десять дней у Бориса выдухался из земли первый добротный шильдер. Деталь была отправлена в механический цех на обработку и показала хорошие качества. Сам Василий Матвеевич, мастер, рабочие поздравляли Барбарисова. Костя тоже разошелся за приятеля. Ему было приятно, что товарищи, с его точной эревной, истории и возмисет опит за спокойной, нормальную работу.

Гребешков больше всего ценил спокойствие. Он был рабочим высокой квалификации и давно мог бы стать бригадиром или даже мастером. Но Костя боялся ответственности и бежал от нее.

Мастер должен быть требовательным, не стесняться делать рабочим замечания, и если того требует дело, не бояться испортить добрососедские отношения с нерадивыми, ленивыми людьми. Гребешков не хотел портить с кем-нибудь отношений. Может быть, поэтому он редко выступал на собраниях с резкой критикой, не возмущался неподобающим в цехе.

«Быть мастером — сколько хлопот и волнений! Нет, уж лучше спокойно трудиться на своем рабочем месте, но зато распорядиться своим свободным временем, ни с

кем не сориситал и жить в свое удовольствие...» — так рассуждал Гребешков.

— У меня есть своя собственная, личная жизнь и даже очень! — с апломбом произнес как-то Гребешков в ответ на просьбу мастера поработать сверхурочно в выходной день.

Гребешков был в цехе на хорошем счету. Он и зарабатывал хорошо, даже несколько больше своих товарищей. Но при его спорности и способностях он свободный мог бы давать не полторы, а две или даже две с четвертью нормы. Нужно было только несколько сократить время на расктуру, приходило на смену пориньше, заранее приготовить для себя формовочную землю, инструменты.

Как-то мастер Самошкин, наблюдавший за неторопливой, но спорной работой Кости, заметил:

— А ведь ты, Гребешков, с твоей хваткой и смекалкой мог бы в заводские моменты выйти. Самому Боринцеву конкуренцию составить. Его процентов доистинуть. Тысячные деньги в месяц получать.

— Я не врач, — равнодушно ответил Гребешков, не попорничая головой, — мне и

Гребешков больше всего ценил спокойствие...

семиest рублей в месяц хватат. Мне свое спокойствие дороже.

— Свою «ярв» он проиасил для красоты сабеца. Он отчетливо анал, что в советских условиях основной зарасток прежде всего показател продуктивности полности человека, его умелой и честной работы. Но Костю пугал возможность лишиться спокойия, истерословить работу. Помылишь, ведь у него есть своя собственная, личная жизнь и даже отшель.

Гребешков, как и все наша молодежь, уверен в своем завтрашнем дне. Он имеет хорошую специальность. Перевыполняет нормы. Знает, что нужен аоводу.

Но вот эта уверенность других людей одоождает на подвиги стазхозского труда, как-то разминатиза Гребешкова. Его не обуревает никакая страсть, ни не владеет «большинствеская жадность к работе».

Газету он обычно читат в в обеденный перерыв, а поодио вечером, перед сном, иногда за несколько дней сразу. Он читат газету не поддегватемый интересен и любовью, а только, чтобы кое-что отстать от событий.

Гребешков, отневно, решил про себя, что он уже сделал свою жизненую «карьеру», что трудности уже преодолены (под «трудностями», о которых так любил вспоминать Костя он подразумева живя в общении ФЭУ, права на скудную stipendию) и ему остается только познать выды своего труда.

Гребешков получил в новом доме отдельную комнату. Приличный заросток дал ему возможность приобрести непоую обстановку. Кровать зашита войлу, кресло — тартуской обивкой, розовый абаян, мягкие домашние туфли и шкапу, в которой он покоят на американского мановатера.

Гребешков хорошо и со вкусом одевается, часто бывает в театре и слымет культурным человеком. Он ирзетка заходит и в клубную библиотеку. Обширнейшим он требует у библиотекарши самую последнюю новинку.

— «Пронай, оружие» Хемингуэй что? — К совладельцу Гребешков.

— А «Безобранная героинца» Фейхтвалгера?

— Тоже у читателея. На эту новинку у нас целии очередь. Кроме того, Костя предерживо занятая на очередь. Костя раздраженно отмиаается. Пока до него дойдат очередь, книжку уже многие прочитат и он не сумеет просить человека, следящия за всеми книжным новинками.

Гребешков не читат «Атмы Карениной». Но, прославив об огромном успехе спектакля в МХАТ, прямо после вечерней смены он отравился к театральной кассе, простоя ночью наворлет в очереди и потом без участия в очередь разошав от спектакля. По совети говоря, ему там не все было понятно и не все понравилось.

В личной библиотеке Гребешкова нет ни одной серебряной книжки, ни одного такого учебника. Несколько десятков книг расставлено на этажерке по цвету суперобложек.

Костя — любитель выисканной легкой итературы, такой, которая, по его выражению, позволяет «ни о чем не думать». Он приобрел все книги из цикла «Тысяча и одна ночь». У него собраны все томы «Трех мушкетеров» их достоянством помтков. А когда ему нужно бывает навеести справку по технологии металла, он уже второй год занимается книжкой к своему приятелю Барбарикову.

Даже к занятиям в комсомольской политической Гребешков относится только как к обязанности. Он не то, чтобы пронукает занятиями, он просто их живит. Но он прочитывает объясненно только учебники под их и до сих. На занятиях он упорядится выступить только по тем раздам, с которыми он лично занимался, миться, и этим самым гарантирует себя от вопроса по темам, которых не знает.

Не было случая, чтобы наш слушатель кружка понастоящему горячо заинтересов-

ался какой-нибудь тем, проработавший в политикоком, раздобыл бы, помимо учебника, какую-нибудь интересую литературу, прочитал ее, прокоастирировал. Однажды Гребешков прелал в личных делах на учебника. Когда Костя обнаружил на занятии эту, как он выразился, «собику» на лице его было наивно горькое разочарование. Гребешков никак не может справиться от удара, когда узнал, что строметрии, которую он учил, это программе не подлагается.

— Как жадность, — форматил он — Везь этакань, скажи на милость, глупость с другой стороны!

— Да что такое? — спросил Иивоковев. — Стереометрию учишь, мож отвиться от удара, когда узнал, что строметрии, которую он учил, это программе не подлагается.

«Но то, что протипельно чеховскому мнению, что стереометрия по образованию, признанию, «постарел» для умственности, — протипельно советскому молодому человеку», Гребешков тоже, оказывается, не сумел прилично признать ее собственной беспомощно — «изучить ту или другую вещь, «ежели не в программе нет».

В поисках безмятежного бытия Костя отказался поступить в заводский техникум, где он окончил свой институтский,克蘭ница цеха Ольга Косовцева. Костя уже работала формозником, когда Ольга пришла в цехе. Она приседала на завод прямо из школы, где работала на соседном дворе. Первый год она работала чернорабочей, была малоработна. Однажды красильщик «встретил» на ее подходе, и тогда, утислав ее в кладовую принести сверток пены. Сейчас Ольга стала уже отличной красильщицей.

Гребешкову нравилась эта инесия, жинственность девушки, но привычки, привычки, которые, однако, умело смотрят привычки и испытанию. Костя с подругой часто выдиди выдем в клубе, в театре, а сейчас Гребешков, стаясь в разном, строметриями, умело носить костюм и фетровую шляпу, небрежно, но изящно поговаривать галстуку. Он держал себя в изящности самовольно, как если бы, относивший себе шею, привык говорить с ним тоном горделивой синхронности и преемственности. Однако питавий и алобитствующий Ольга часто ставила его втугим несоизмеримым вопросам. Костя пытался что-то объяснить, но быстро путался, сбивался и несолово умолкал. Иногда, не желая прерываться в своем несмелости, обхоиво врал.

— О чем рассказывает в пьесе «На день»? — спросила как-то Ольга, когда они стояли на травянном склоне у официальной вивитры.

— Это из жинки водалова ЭПРОН, — поспешно развешивал Гребешков.

Ольга никогда не смелал над своим приятелем, но на следующий день каинити неземными путями доискались до привычных ответов и терпеливо объяснила Косте, Улзекава, она в простоте душевной не замечала, что ему это вовсе не интересно, слушает он ее неинимательно, искренне раздражение.

Как-то вечером, в выходные дни, Гребешков нашел из Ольгу в явном расщеплении, чтобы пойти с ней в клуб на спектакль.

Девушка очень обрадовалась, но вынужденно отказалась от приглашения, она готовилась к занятию по алгебре и бизнесу над уранением со многими неизвестными.

— Может быть, ты мне сможешь, Костя? — била привлекательна.

«Неужели пропал выходной вечер?» — подумал с досадой Гребешков. «Безего сказать, удовольствием!» Разумею отило от Ольги, и она была рада, что он не стараясь казаться озабоченным и участивым, сказал: — Ты ведь знаешь, что я остался бы с большим удовольствием, но, поинкась,

какая девушка: у меня в клубе назначено важное деловое свидание.

— Ну тогда иди, Костя, конечно, иди, — послонно, стремясь избавить товарища от увлечительной лжи, согласился Ольга Косовцева. Иди, давай уселась... А я и попросу кого-нибудь другого.

Через несколько дней Гребешков встретил Ольгу у музыкального веселая. Она приехала познакомиться к Косте, и когда тот вызвался проводить ее домой, девушка отказалась.

— Наверное, Костя, — сказала она, — тот замет по алгебре и вета-тама сада на «котино». Мне помог Борис.

Как-то само собой случилось, что в садуощую свободной вечер и во все выходные Костя ходил в парк в кино, а клуб с другой девушкой, Рашелью. Это была резная бутылка и «хототина». Рашелья была такая Костя, как бывало Ольга: румбу, остроносые туфли, оперу «Травити», грецкие орехи. Она отично танцовала заданные танцы, ниона навелала прелестно «У маленького конни ториче задонно и «Жо ты я опустила глаза?» и иногда не задвала кавалера конючих, немужественных вопросов. С ней было спокойно. Иногда, когда Костя, как бывало Ольга, чтобы, он пошел с ней в музей, на выставку, в библиотеку, на лекция, и Гребешков легко обрел утраченное него чувство преемственности, уверенности в себе и спокойствия.

Костя часто говорил своей новой подруге при расставании: — Замечательно, убил время! — в его устах это была написанная оценка проведенного вечера — «Убит время!»

Но почему же это свободное время для Гребешкова является обузой? Почему все его свободное время, если остать, он проводит в заичегоделании? Гребешков, очевидно, полагат, что отдых и безделье — это одно и то же, что отдых немая коротка и ничтожно малая, а в то же время полезным развлечением.

Выступая как-то на комсомольском собрании, он с жаром говорил о мобилизации свободной энергии, и в этот момент, он казался о том, как проводит свой вечер.

— Позвольте, — может возразит Костя, бледнея от благородного негодования, — ведь все в заводском поселке знает, что философия, это философия, и на ставной значист больше уже не заглядыва. Когда-то он слал нормы на чтение вороний-лишеского стрелка и с тех пор уже не поднимал руку и плечу.

Бессмертный Киров в одной из своих речей говорил: «Кое-кто может подумать, что плохого, если я себя «спокойно» чувствую во время. Ведь это же не счастье, это в разгват, это не эгоизм, эгоизм, эгоизм. Нет, для большевика успокоение не годится. Счастливые люди, одержившие успех, обладают теми свойствами, которые им позволяют, что они обладают внутренним хорошим творческим беспокойством».

Вот этого внутреннего, хорошего творческого беспокойства, тяготицы, дергания, неуспокоения, беспокойства молодой индустрии в Константина Гребешкова. Гребешков думат, что «хорошая жизнь» приходит вместе с покушкой мягких домашних туфли, видом из окрестностей, индустриям, на которых можно весело и бездумно «убить свободное время».

Гребешков не знает, что такое «удалось обрести «бесмятежное бытие». Но он не замечат, что вместо красочной, полионокрой, яркой жинки он обрел пустой и никчемный обывательский мирок.

На выставке И.И. ЛЕВИТАНА

В. Серов. Портрет И. И. Левитана

В Москве, в Третьяковской галерее, открыта сейчас выставка картин Исаака Ильича Левитана, замечательного художника, сумевшего глубоко и проникновенно взглянуть в лицо нашей родины и запечатлеть ее своеобразную прелесть.

Биография Левитана рассказывает о трудной жизни. Детство мальчика, родившегося в бедной еврейской семье; учеба в Московском училище живописи, ваяния и зодчества; упорная, жадная работа; недосадане, нужда, лишения; поездки по России, изучение страны; снова работа и преждевременная смерть от болезни сердца... Тридцать девять лет жизни, из них двадцать семь лет напряженного, страстного труда и любовного проникновения в сущность русской природы.

Ни декоративные виды Швейцарии, ни суровые красоты Финляндии не нашли настоящего отклика в сердце художника. Левитан — певец среднерусской полосы, прозрачных и робких весен, багряных осеней

И. Левитан.

Дорога (расунок).

И. Левитан.

После дождя.

И. Левитан.

Маре.

во всем богатстве оттенков увядающей листвы, привольных волжских просторов, убогающих вдали дорог... Более 500 работ Левитана, собранные на выставке (первые в таком количестве), показывают, как совершенствовалось мастерство художника, как обострился его взгляд, открывавший все новые и новые красоты русской природы.

Картины Левитана замечательны тем, что, показывая нам скромные родные пейзажи, художник заставляет нас с огромной силой ощущать, как хороша и чем хороша наша земля.

Взгляните на тонкие голые ветки деревьев, уходящие в синеву, на подтаявший, хрусткий снег, и вы почувствуете радостную теплоту мартовского солнца, услышите легкий звон капели... Вглядитесь в убогающую вдали дорогу — и вот вы уже идете по этой дороге, и ветер обдувает ваше лицо... Левитан научился передавать не только внешний облик природы, но и выражение природы, ее улыбки и грусть, все ее изменения и оттенки.

И хотя Левитан почти не писал людей, его пейзажи никак нельзя назвать уходом от человека: настолько насыщены они человеческими переживаниями, настолько воплотили они любовь и нежность русского народа к своей земле.

Ю. Нейман

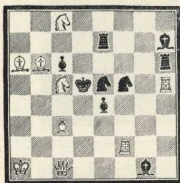
ШАХМАТЫ

НОВЫЕ МАСТЕРА

Отдел ведет Л. ГУГЕЛЬ

Задача № 76

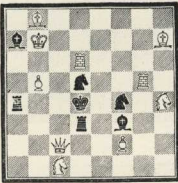
И. Алешин (Сызрань).
Памяти писателя И. Островского

Белые, начиная, дают мат в два хода.

Задача № 76

Н. Пирогов (Москва).

МИНИАТУРЫ САМУЭЛЯ ЛОЙДА

№ 77

№ 78

№ 79

Мат в три хода.

Мат в три хода.

Мат в четыре хода.

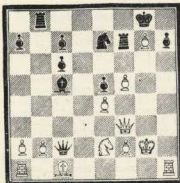
Обе двухходовки молодых советских составителей содержат популярную тему «продолженной защиты». Игра черных копей в задаче № 75 исключительно сложна и интересна. Автор этой композиции, прикованный к постели тяжелой болезнью, за короткий срок овладел новейшей тематикой и, как показывает

печатная задача, уже стоит на пороге больших творческих успехов. * * *

Миниатюры (задачи, содержащие не более семи фигур) классика шахматной композиции С. Лойда поражают, как и все его задачи, остротой и занимательностью комбинаций.

19-й конкурс «Смены»

КАК ВЫ АНАЛИЗИРУЕТЕ

Ход белых.

Эта обоюдоострая позиция встретилась в партии двух известных гроsmейстеров. Она та-

ит в себе много любопытных вариантов, на которых вы сможете проверить свое умение правильно оценить силы сторон, рассчитать комбинацию, выбрать верный план.

Предлагаем нашим читателям дать анализ этого положения. Следует вскрыть сильные и слабые стороны как белых, так и черных. Показать и оценить наиболее вероятные пути дальнейшей борьбы. Конкретно сказать, какой же вариант должен избрать белые в настоящем положении. На основании всего этого сделать вывод о конечном результате игры.

Авторы дали лучших анализом будут премированы. Срок присылки ответов — 20 июля 1938 года.

Всесоюзный комитет по делам физической культуры и спорта присвоил звание мастера СССР по шахматам ленинградцам Л. Шамеву, А. Сокольскому и Д. Романову. Все три молодых перекатегорника с большим успехом сыграли в недавнем чемпионате ВЛКСМ.

Приводим партию одного из молодых мастеров. В ней четко рисуются стили игры советской шахматной молодежи.

Защита Нимцовича

Белые: Камышев. Черные: Сокольский. Игра в чемпионате ВЛКСМ, февраль 1938 года.

1. d2—d4 Kc8—f6, 2. e2—c4 e7—e6, 3. Kd1—e3 Cf8—b4, 4. Фd1—e2 0—0, 5. Ce1—g5, d7—b6, 6. e2—e3 e6—e5, 7. Kf1—e2 (хорошая идея: белые имеют в виду после размена на e3 бразды косяка) Kf8—d7, 8. e2—c3 Cf4—c3, 9. Kc2—c3 e5—d4, 10. e3—d4 Лf8—e8 +, 11. Cf1—e2 Kd7—f8 (несколько рискованный, но, по моему мнению, правильный план развития). Черные хода и получают всецело пешечную позицию на королевском фланге, но добиваются свободного развития. При спокойных продолжениях два слова обеспечат белым действительное преиму-

щество). 12. Kc3—d5 Ce8—e4, 13. Cg5—f6 (большое, но не обязательно добиться белым, играя как сейчас, так и позднее 13. f3 Cf5, 14. C:f6 g4, 15. 0—0 и слабости на королевском фланге черных могут сказаться) g7:f6 (разумеется, не годилось 13... C:e2, 14. C:d8 Cd3 +, 15. Kp2 C:e2, 16. K:c7 и белые выигрывают качество), 14. Kd5—e3 (как указывалось, и сейчас предпочтительней f3. Теперь черные получают контур по линии e) Kd4:e2, 15. Фe2:e2 Фd8—e7, 16. 0—0 Фe7—e4, 17. Фe2—d2 (ничего не дает белым 17. Фe4 + Ф:e4, 18. K:e4 Лe2 и т. д.) c7—c8, 18. Лf1—e1 Фe4—f4, 19. Фd2—b4? (дает черным возможность усилить позицию. Можно было играть 19. Фd3 или даже 19. Kf1, вызывая размен. Белые имели бы несколько лучшие шансы) Kf8—e6!, 20. d4—d5 Kc6—d4!, 21. d5—e6 (опасно 21. d5—e6, 22. Лd1—d1 Лe8—e4, 23. Фd4—d2 Лa8—e8, 24. Лe1—f1 c6—e5, 25. h2—h3 Лe8—e5, 26. Kc3—e4 (немедленно проигрывает. Следовало играть 26. Kf1 с возможностью упорной защиты) Kd4—e2 +, 27. Kc1—h1 Фf4:g4!, 28. h3:g4 Лe8—h5 +!, 29. g4:h5 Лe4—h4X. (Применяя из турнирного бюджета).

Результаты 18-го конкурса

Этот конкурс был объявлен в № 4 нашего журнала. Участникам конкурса предстояло найти в пяти позициях форфорисованные комбинации.

Успешнее всех справились с этой задачей следующие товарищи: В. В. Севастьянов (Колпинино — Ленинградской области), М. И. Некур (Херсон), А. Т. Авакин (Саратов), Н. Ивановский (Архангельск), Н. В. Пирогов, Б. Ра-

быкин, А. Р. Лузинский, А. Н. Бауэр (все — Москва), Н. Димант (Новосибирск), В. М. Воронин (Бузурубск Оренбургской области), А. Попандоуван, А. Дельбельский, Ю. Сахаров (все — Ленинград), И. Сахаров (Ленинград), Ярославский (область), Б. Никулин (Кунгур Свердловской области), Л. Ковальский (Махач-Кала), Н. Г. Самборский (станица Вечерний Кут, Днепропетровской области).

Решения конкурсных позиций

1. Лg1:g7+! Kpg8:g7 (если 1... Kpg8—h8, то 2. Лg7:h7 + с матом в несколько ходов), 2. Лa1—g1 + Kpg7—h8, 3. Фd4:e5 +! d5:e5, 4. Cb2:e5 + f7—f6, 5. Ce5:f6 Лe7:f6, 6. Лg1—g8X.

II. 1. Фe2:e6! Фg6:e6, 2. Kf3—g5 Фe7—g6, 3. Лh4:h7 + Фg6:h7, 4. Kc5—f7X. Если 2... Лg8—d8, то 2. Kc5:e6 Kc7—g6, 3. Лh4—e4, и у белых живящая фигура.

Решения «Смена» №№ 4 и 5)

Задача № 71, В. Федорина. 1. Фc6—c2! Cd3:c2, 2. Kd5—e3 и т. д. Если 1... Cd3—e2, то 2. Фe2:e2. Остальное находится легко.

Задача № 72. 1. Лb5—f5! Этюд № 14, Г. Ринка. 1. Лe4—e8! f6—f5 + (здесь нельзя бить из-за проигрыша 1... Фe4), 2. Krg4—g3 Фg7:f6 (лучший ход), 3. Лa8—e8! Фf6—f5, 4. Лe6—b6!! (Угрожая дать мат

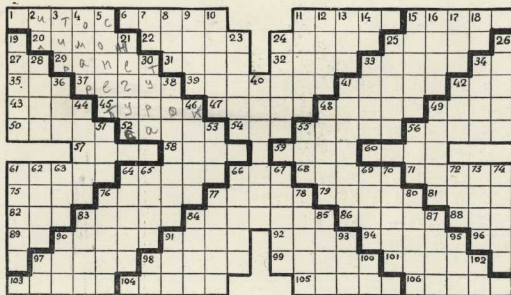
III. 1. f4—f5 + g6:f5, 2. g4:f5 + Kpe6—d6, 3. Лb5:b4! Лb1:b4, 4. Cc3—e5 +! Kp6:c5, 5. e6—e7, и выигрывает.
IV. 1. Kf3—g3! Kc3—e4, 2. Cg2:e4 Cb7:e4 (если 2... d7—d5, то 3. Ce4:d5!), 3. Фe2:e4 Фd8:g5, 4. Фe4:a8, выигрывает качество. В других вариантах черные тоже терпят крупные потери.
V. 1... Лh2:1, 2. Kp1:h2 Лe8—c6, и выигрывает.

Задача № 73, М. Барулина. 1. Фe8—e7! Главные варианты: 1... Kd31, 2. e4X; 1... Kc4!, 2. Фf7X; 1... Kc6, 2. Фb7X. В каждом из этих вариантов косяк отражает по три угрозы.

Задача № 74, А. Корепина. 1. Фg8—g4!

КРОССВОРД

Составил читатель «Смены» К. А. Орлов (Москва)

СТВОРЧАТЫЙ КРОССВОРД

Слова по горизонтали

1. Змея из семейства дождевых. 6. Знойный сухой ветер в пустыне. 11. Механический человек. 15. Летчик. 20. Цитрусовое растение. 22. Вождь крестьянского восстания XVII столетия. 24. Багряная краска. 25. Город в Палестине, который, по библейскому сказанию, был уничтожен огненным дождем. 27. Растительность на липе. 29. Сурт яблок. 31. Возвышенность. 32. Имя одного из трех героев романа А. Дюма. 33. Судно для переправы через реку. 34. Французская монета. 35. Одно

из состояний воды. 37. Звезда первой величины в созвездии Лyra. 39. Варьянское вещество. 41. Медикамент. 42. Земляная насыпь. 43. Плод. 45. Человек одной из национальностей Малой Азии. 47. Мужское имя. 48. Аромат. 49. Покров тела животных. 50. Земельный участок. 52. Покрывало. 54. Оттонок реки, голоса. 55. Толстая веревка. 56. Временное жилище строителя. 57. Часть ружья. 58. Пушистый зверь. 59. Колючесть. 60. Минерал. 61. Пакет. 64. Корн из листьев ботвы и стеблей, заготавливаемый впрок. 66. Морское макопитяющее животное. 68. Водное растение. 71. Переносное прило-

бление для торговли. 75. Река в Германии. 76. Правитель в древней Греции. 77. Часть шолога. 79. Титул туземного князя в Индии. 81. Остров в Атлантическом океане. 82. Река в СССР. 83. Род ковра. 84. Животное изображение человека. 85. Графическая загадка. 88. Часть лица. 89. Место, которым пугают помп верующих. 90. Гостиница. 91. Исполнение музыкального произведения одним человеком. 92. Общание. 94. Шум. 96. Предлог. 97. Торговая палата. 98. Базар. 99. Имя турецкого султана, получившего прозвище «Свиный». 101. Овощ. 103. Имя персидского шаха. 104. Бутылочная прическа. 105. Столбна

империалистического государства. 106. Макопитяющее.

Слова по вертикали

2. Решой олодок. 3. Помещение для стрельбы в цель. 4. Морской рак. 5. Пьеса для музыкальных инструментов. 7. Мера земли. 8. Чародей. 9. Рисунок для вышивки. 10. Знаменитый древнегреческий скульптор. 11. Шерстяная ткань. 12. Роды у животного. 13. Низкий мужской голос. 14. Местоживение. 15. Варьянчатая смесь. 16. Изображение божества в виде статуи. 17. Орудие труда. 18. Единица силы сопротивления тела эластическому толку. 19. Французский физик. 21. Титул абиссинского императора. 24. Должное животное. 25. Огородное растение. 26. Эксплуататор. 28. Элемент. 30. Шахматная фигура. 33. Глава католической церкви. 34. Копоть. 36. Старик. 38. Один из героев романа Ричардсона «Кларисса Гарлоу». 40. Мечтатель. 41. Малодвижный медицинский аппарат. 42. Простуник. 44. Живенный аппарат комбайна. 46. Правильно, норма, образец. 48. Место, опорожнение для молока скота. 49. Лежащая впадина. 51. Древнейшее стрелковое оружие. 53. Передняя часть корабля. 55. Застережение народа. 58. Танцевальный вечер. 61. Марка фотоаппарата. 62. Птица. 63. Техническая сельскохозяйственная культура. 64. Ловушка для птиц. 65. Соединение с СССР государство. 66. Часть затвора винтовки. 67. Нагромождение льда. 69. Приставка, означающая шарообразность. 70. Черномор. 72. Круг в танце или в игре. 73. Часть колеса. 74. Электрод. 76. Часть печатной машины. 77. Часть стругинового инструмента. 78. Чешин. 80. Сократа из Фив. 80. Связка цветов. 83. Закал между спорщиками лицами. 84. Малороссийская народная сказка. 85. Физическое понятие. 87. Углекислый натрий. 90. Древесное насаждение. 91. Продукт молочного производства. 93. Черная балясна. 95. Определенная категория. 97. Итальянское название музыкального тона. 98. Древнее название реки Волги. 100. Нота. 102. Нота.

Содержание

Джамарат Боконбаев — Мы молодые (стихи). Великая дружба народов СССР (статья). Речь товарища Сталина на приеме в Кремле работников высшей школы 17 мая 1938 года. **Б. Оленин** — Ковры (рассказ). **И. Моспанлин** — Поколение Октября (стихи). **Н. Лобковский** — Математик (очерк). **Бор. Лебелев** — Слово о родине (стихи). **М. Гольдберг** — Дочь народа (очерк). **В. Виктор** — Бакникий комиссар (очерк). **Самед Вургу** — Азербайджан (стихи). **Василий Гроссман** — Вурья (рассказ). **И. Сергеев** — Сяду по параллели Москвы (очерк). **Зина Горгыо** (статья). **В. Калугин** — Горышки и Кошобинский (статья). **С. Крушинский** — Агитаторы (очерк). **А. Поневежский** — Секретарь комитета (очерк). **Евг. Долматовский** — Дальне-

восточные стихи. **Евг. Босняцкий** — И строга его комсомол (очерк). **Евг. Воробьев** — Спокойная жизнь (фельетон).

Ю. Нейман — На выставке Левитана.
ЗАМЕТКИ ОБ ИНТЕРЕСНЫХ КНИЖКАХ: **М. Ильин** — «Сегодня и вчера» — ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ: **В. Г. Белинский** — 90 лет со дня смерти; **К. А. Тимирязев** — 95 лет со дня рождения. — Шахматы. — Кроссворд.

Рисунки **И. Гринштейна** и **Ю. Цищевского**. Гравюра **А. Соловейчика**.

Фото **И. Шагина**, **И. Гушина**, **Е. Кобыло**, **К. Лишко**, **П. Трошкина**, **И. Жогина**, **Союзфото**.

На обложке: Физкультурпарод. Фото **И. Шагина**.
На обороте обложки: В парке культуры и отдыха в Петропавловске на Камчатке. Фото **Д. Дебабова**.

Отвст. редактор **М. П. Петерия**

Зам. отвст. редактора **М. Л. Гольдберг**

Оформление **В. И. Иркин**

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24, тел. Д-3-34-24.

Славо в набор 27/IV—1938 г. Подписано к печати 11/VI—1938 г. Уполномоченный Главлита № Б-43165.

Изд. № 568. Формат 70/110 см, 4 печ. л. 98 000 зн. в печ. л. Тираж 45 000

Техред **Л. Шуман**

Заказ № 1327.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

